

Дискуссии и обсуждения

**НУЛЕВЫЕ ГОДЫ В МИРЕ И В РОССИИ:
МЕГАТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**
Стенограмма Всероссийской научной конференции
24–25 апреля 2013 г., Ростов-на-Дону

Аннотация: Журнал «Политическая концептология» публикует стенограмму Всероссийской научной конференции «Нулевые годы в мире и в России: мегатенденции и перспективы», проходившей в г. Ростов-на-Дону 24-25 апреля 2014 г.

Ключевые слова: «нулевые годы», мегатенденции мирового развития, психология осаждённой крепости, русский национализм, научная конференция.

Участники:

Вольчик В.В., доктор экономических наук, профессор

Гарибян С., младший научный сотрудник

Гонтарь Н.В., кандидат географических наук, старший научный сотрудник

Евченко Н.Н., доктор экономических наук, профессор

Ерохин Н.Е., учёный секретарь вузов Южного федерального округа

Иноземцев В.Л., доктор экономических наук, профессор

Козер В., учитель истории

Константинов М.С., кандидат политических наук, старший научный сотрудник

Макаренко В.П., доктор политических наук, доктор философских наук, профессор

Паин Э.А., доктор политических наук, профессор

Попов В.Ю., младший научный сотрудник

Поцелуев С.П., доктор политических наук, ведущий научный сотрудник

Трофимов М.Е., преподаватель

Преподаватели, аспиранты, студенты Южного федерального университета и других ростовских вузов.

В.П. Макаренко: Уважаемые коллеги, разрешите объявить начало конференции «Нулевые годы в мире и в России: мегатенденции и перспективы». Её проводит Южный федеральной университет, Центр политической концептологии Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем, Высшая школа бизнеса, кафедра теоретической и прикладной политологии, Исследовательский комитет по политической концептологии РАПН, клуб «Интеллектуальный Ростов». Главная цель наших конференций, включая эту, — создание интеллектуальной среды в городе Ростове-на-Дону. Интеллектуальная среда предполагает творче-

скую откровенность. Термин «творческая откровенность» ввёл в своих воспоминаниях Д.С. Лихачев для обозначения тех мест деятельности, куда тянет собираться, обсуждать идеи, беседовать, где можно быть «без галстука». Тяга к творческой откровенности возникает там, где появляется группа людей — потенциальных или действительных единомышленников, людей близкого интеллектуального уровня и направления¹. Творческая откровенность не связана с официальной точкой зрения на события и процессы, а также с существующими в данном месте и времени интеллектуально-политическими модами и конъюнктурой. В Ростове уже сложились для этого предпосылки, хотя стереотипы деятельности диссертационной машины тоже не редкость. Они-то и отбивают вкус к творческой откровенности, без которой невозможно создание интеллектуальной среды.

Реализуя эти идеи, мы приглашаем в Ростов интересных людей, обладающих творческой жилкой, независимо от возраста, статуса, степеней, которые продолжают оставаться действующими специалистами. Сейчас мы пригласили этнополитолога Эмиля Абрамовича Паина и экономиста Владислава Леонидовича Иноземцева. Они не нуждаются в представлении, их имена говорят сами за себя. Но попутно я хочу сделать тебе (*обращаясь к Э.А. Паину*) сюрприз. Ты читал книгу Сергея Белякова «Гумилев сын Гумилева»?

Э.А. Паин: Нет.

В.П. Макаренко: Эта книга издана с подзаголовком «Самая полная биография Льва Гумилева», она получила приз в номинации «Большая книга». Напомню, что в предыдущие двадцать лет неоевразийство Л. Гумилева и его подпевал стало одной из интеллектуально-политических мод России. Уже есть не только кабаки «Евразия», но и Евразийский союз. В книге Белякова содержится основательный разбор истории создания этой моды, а также политико-идеологических следствий из неоевразийской концепции. Среди прочего на странице 718 Эмиль Абрамович Паин назван знаменитым политологом, а его статья «Этнополитический маятник» становится предметом разбора в целях критики неоевразийства.

Э.А. Паин: Пока что я буду сидеть, потом перейду к компьютеру. Пару лет назад, на вашей базе в «Лиманчике», в Абрау-Дюрсо я познакомился с моим другом Виктором.

В.П. Макаренко: В море познакомились...

Э.А. Паин: Точно не помню, на море или на суше. Мы познакомились, и он мне очень понравился. И вот уже второй раз приезжаю туда, где Макар «телят пасёт», главным образом он пасёт местное интеллектуальное сообщество. По мере возможности я стараюсь ему помогать, и всегда приезжаю сюда с большим удовольствием. Это первое, что я хотел сказать.

Второе. Я случайно открыл книгу Белякова и прочёл: «Эмиль Паин тоже не читал „Этногенез и биосферу“». Должен возразить: я читал этот бестселлер Гумилева и я не раз встречался с ним и даже своим студентам всегда рассказываю о своем первом знакомстве со Львом Николаевичем. Он в советские годы был очень популярен не только как сын поэтов Гумилева и Ахматовой, но и как диссидент. Приезжал в Москву, читал лекции по всяким подвальчикам. В одном из них в Монетном переулке был и я. Там я воочию увидел как в ответах на вполне конкретные вопросы, без малейшей примеси пристрастия великий учёный начал «разоблачаться», и мы все, кто пришёл любоваться им и молиться на него, увидели, что вся его конструкция держится на мифологии. Держится на посыле, что всякий народ проживает 1600 лет. А как вы узнали, что 1600 лет? Под этой доктриной у Гумилева скрывается банальность: «Народ родился, вырос, стал зрелым, умер». Непонятно, почему одни живут тысячи лет, и не помирают интеллектуально? Той этнической группе, к которой я принадлежу, отсчитывают уже не 1600 лет, а больше двух тысячелетий. И пока особо не видно, чтобы она интеллектуально хирела. Короче говоря, это было как в цирке — разоблачение аттракциона, только там сам фокусник вначале показывает, а потом разоблачает свой же аттракцион. Но тут фокусник ничего не разоблачал, а публика случайно нащупала какие-то уязвимые места — и

¹ См.: Лихачев Д. Мысли о жизни: воспоминания. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014, с. 57.

произошло разоблачение аттракциона. Я понял, что он тоже — поэт, как папа и мама, и вся его теория — это поэтические метафоры.

Психология осаждённой крепости и её этнополитический маятник

Вы прекрасно понимаете, что сфера этнополитики и межэтнических отношений — бескрайняя. Возможно, мне вполне хватило бы одного года для того, чтобы я кратко изложил эту проблему, но мне не дадут ни года, ни месяца и даже часа. Поэтому для 45-минутного доклада я выбрал лишь узкий аспект этой проблемы под названием «Психология осаждённой крепости и этнополитический маятник». Я думаю, вы грамотны и прекрасно знаете идею осаждённой крепости.

У меня три тезиса. Первый — о мифологии стабильности. Сколько бы ни говорилось, что мы живём все лучше и стабильнее, на деле стабильности нет. А просто действует закон сохранения протестной активности, она может переливаться из одной сферы в другую. Оказывается, приливы, перевод энергии, перевод недовольства из одной области в другую — чрезвычайно простая вещь. Честно говоря, я давно знаю эту тысячелетнюю технологию. Она не сейчас изобретена, ещё фараоны владели ею. Однако я никогда не мог себе представить, что можно так быстро менять эти настроения, переводить социально-политические недовольства в этнические бунты, а бунты опять в политические недовольства.

Мой второй тезис будет посвящён обсуждению взаимосвязи этнических проблем в России с нарастающим демографическим кризисом, который в ближайшее время станет одним из самых больших ограничителей развития страны.

Третий тезис — самый спорный, предупреждаю заранее — о противоречивой роли русского национализма по отношению к политическому периоду «безвременья». Наша тема обозначена широко — нулевые годы в мире и в России. Но уже начались десятилетия. В любом случае после 2000 года в России наступила эпоха безвременья. Такое безвременье в России было многократно. Нет никаких споров по поводу того, что же такое безвременье. Как сказал Лермонтов в 1838 году: «Его грядущее — иль пусто, иль темно». Безвременье характеризует состояние общества, его апатии в условиях неопределённости настоящего и отсутствии образа будущего, некой позитивной перспективы.

Итак, я перехожу к мифологии стабильности. Центр стратегических разработок под руководством М.Э. Васильева, закрытый пару дней назад, издал последний свой доклад, в котором была фраза: «Политические протесты, которые потрясли Москву в 2011–2012 годах, благополучно завершены, но, неожиданно, на периферии России проявились сериями этнических взрывов, погромов и т. д.» А затем авторы доклада пишут: «Впервые за всю историю подготовки наших докладов мы не даём объяснения этой странной картине». Что же здесь непонятного? Переход от политических протестов к этническим бунтам является абсолютно естественным. Просто протест вернулся в ту же самую сферу, из какой вышел. В 2005 году в России прошли первые протесты по поводу монетизации льгот, которые уже сопровождались этническими окрасками. В январе 2005 года я был в городе Владимир, совершенно случайно по своим делам, но как раз в тот самый день там проходил массовый митинг людей, недовольных заменой льгот новыми монетарными выплатами. Это явление было самым обычным для того времени и обычными были плакаты, которыми был увешан город, например, такой: «Народу — электричество, Чубайсу — электрический стул», а рядом другой с лозунгом: «Русский, помоги русскому». Первый пока характерен для левых партий, а второй — для русских националистов. Уже в 2005 году произошло сочетание политических и националистических лозунгов на волне социальных протестов, а в 2006 году грянули этнические беспорядки в Кондопоге, в 2008 году кризис по поводу дефолта тоже сопровождался этническими потрясениями. 2008 год был первым, когда начались судебные процессы по 282 статье УК — «разжигание межнациональной розни», и были первые люди, которых привлекли к уголовной от-

ветственности. В 2011 году на Манежной площади в центре Москвы состоялся первый самый крупный по количеству участников митинг с протестными настроениями.

Но с чего он начался? Совсем не с этнической проблемы, а с убийства футбольного фаната Егора Свиридова, а участников этого действия выпустили на свободу, скорее всего, не бескорыстно. Остаётся непонятным, каким образом типичная коррупционная проблема вдруг стала этнической. Но на площадь вышли люди с требованием «Долой кавказцев!», а не с требованием «Долой коррупцию!» и «Закон должен торжествовать!». И такой перевертыш мы замечаем многократно в разных областях.

В том же году состоялся первый крупный массовый митинг в Махачкале, который был вызван произволом властей, казнокрадством и коррупцией. Вы знаете, что эти регионы характеризуются высоким уровнем криминализации, в том числе и коррупцией. Митинг начинался с требования: «Долой коррупцию!», а закончился дискуссией по поводу правильного и неправильного ислама. Вот это движение социальных и политических требований в сторону привычной и понятной аскриптивной идентичности с религиозными, этническими, расовыми, земляческими лозунгами — характерная особенность развития государств определенного типа.

В.П. Макаренко: Объясни, пожалуйста, как связать аскриптивность с идентичностью?

Э.А. Паин: Аскриптивная или предписанная идентичность — это широко известное в социологии понятие для обозначения определённого типа идентичности, связанного с этничностью, религиозностью и т. д. Его специфика в том, что такие идентичности, как правило, люди не выбирают, а получают от рождения, и потом несут всю свою жизнь. Предписанные идентичности — самые болезненные, когда их затрагивают, — конфликт неизбежен.

Возвращаюсь от определения аскриптивной идентичности к сути и рассказываю дальше. Процессы перевода стрелок с социальной проблематики в сторону этнической происходят с помощью идеи «враг у ворот». Это достаточно распространённая технология. В условиях чрезвычайно действующих СМИ, с одной стороны, и чрезвычайно манипулятивности сознания, характерной для советско-российского общества, с другой стороны, она даёт огромный эффект.

Мы видим, что не всякие призывы действенны, например: «Люди, перестаньте пить и курить!». Да хоть заклейте этими призывами все автобусы, все равно не бросят ни пить, ни курить. А довести людей до зоологического уровня — технология простейшая. Едва вы доводите пропаганду до базовых стереотипов доисторического состояния, — эффект наступает мгновенно, причём во всех странах. С этой точки зрения у России нет никаких особенностей, в ней действуют нормы стран с догражданской культурой и низким уровнем гражданской идентичности. В этих странах резко возрастает риск манипулятивности по сравнению со странами, в которых человек осознает себя субъектом. «Я — гражданин, и парни на Елисейских полях, в Белом доме или на Даунинг стрит, живут на наши налоги, это наши менеджеры». Когда наступает такое осознание, уровень манипуляции резко снижается. До гражданской культуры существует несколько стадий культурного развития. Гражданская культура или культура партиципации — это культура участия, когда человек осознает себя источником власти, источником основных изменений. Поэтому в нем повышается ответственность. Как только в нем повышается ответственность, у него резко падает интерес к тому, чтобы кто-то им руководил и погонял. Но если этого нет, тоже возникает определённое удовольствие: «Вот приедет барин, барин нас рассудит, барин отвечает». Такой тип психологии характеризует определённый тип развития и не связан с одной страной. Так было во Франции в период абсолютизма, в Испании, в Португалии и в других местах, проходивших модернизационные стадии.

Некоторая ажитация политической активности характерна для очень узкого слоя людей, в основном москвичей. Снова порыв недовольства направляется в понятные, известные этнические бунты. В 2006 году у нас был один этнический конфликт в Кондопоге. Все социологи-

ческие измерения показывают, что несколько лет после Кондопоги в обществе были ожидания конфликта, потом конфликтов не было, ожидания стали затихать, спад, и вдруг в 2012–2013 гг. необычайный взрыв активности. По материалам Левада-Центра показатели ксенофобии в России таковы (*показывает на таблице*). В синем столбце речь идёт о врагах России, затем показаны ответы на вопросы: «Поддерживаете ли Вы лозунг „Россия для русских“?»; «Испытываете ли Вы страх перед выходцами из Средней Азии и Кавказа?».

В 2012–2013 гг. проходил взрыв различного рода этнических конфликтов и фобий. В 2006 году была одна Кондопога, в 2013 году сразу пять Кондопог: Среднеуральск, Пугачев, Нурлат, Бирюлево в Москве, Питер. Сразу пять конфликтов с многотысячными демонстрациями и всем, что угодно. Это было вершиной айсберга. Меньше описывали то, что произошло в деревне Вешенской, но она попала, потому, что там родился Нобелевский лауреат. Прокурор Чайка выступает в Федеральном собрании и говорит, что за девять лет в России правонарушений в сфере межэтнических отношений выросло в пять раз. Опросы, которые делают по разным периодам, тоже показывают рост всех видов фобий. В 2013 году был поставлен рекорд по всем показателям: по «внешним врагам», по идее «Россия для русских», по раздражению мигрантами. Причём, самыми высокими были фобии, связанные с внешним врагом. То есть, уровень манипуляции мнимыми «внешними врагами» выше, чем манипуляция угрозой «внутренних врагов». Но этот тип неприязни работает только при включённом канале пропаганды СМИ. Стоит выключить этот сигнал на пару дней, все сразу пропадает, потому что живых американцев ни в каком Пугачеве отродясь не видели. Кто такие марсиане, американцы или жители Евросоюза? — населению России не понятно.

В.П. Макаренко: А что имеется в виду под «включённым сигналом»?

Э.А. Паин: Я имею ввиду включенный информационный сигнал. Как только поступает определённая информация, растёт уровень недовольства, как только сигнал выключают (как это случилось в 2012 году, по каким-то причинам, информационным поводам, связанным с некими внешними экспансиями типа «враг у ворот»), — тут же падение на 15 пунктов. Стоит отметить рост и изменение информационного повода. До 2012 года «внешний враг» целиком был связан с США. В 2013 году в качестве «внешних врагов» начали выступать страны Европы, наравне с Америкой. Но в большей степени это связано с событиями на Украине. Как раз 2013 году этот процесс и начался. А по отношению к мигрантам тенденция растёт поступательно. Тут уже информация существенной роли не играет, потому что объект виден ежедневно, его численность нарастает. Количество представителей других наций увеличивается повседневно. В магазинах вокруг моего дома число работников растёт, в основном, из Киргизии и Узбекистана. Дворников из местных у нас не было пять лет, все приезжие. Однажды приехали мы с Владиславом Иноземцевым в гостиницу, а весь персонал пришлый, из стран Средней Азии. Перебить это с помощью информации очень сложно, практически невозможно.

В.П. Макаренко: Ситуация подобна тому, когда носильщиками на московских вокзалах были татары, а чистильщиками обуви в Тбилиси тоже представители одной нации.

Э.А. Паин: Перехожу к демографическому кризису. Вот эта пирамида или ёлочка (*показывает слайды*) — типичная демографическая структура традиционного общества. Внизу широко — это огромное количество детей, структура сужается вверх по мере роста смертности. Все это меняется по мере взросления. Вот типичная картина традиционного общества, которая может не изменяться тысячелетиями, воспроизводя себя за счёт естественного прироста. Она взята из одного дагестанского района, вы прекрасно знаете, где ещё можно найти ёлочки.

Теперь перейдём к другой структуре. Вот демографическая структура похожая на разросшийся дуб, это схема демографической структуры города Норильска, но я думаю, что такова же демографическая структура в городе Ростове-на-Дону. Подавляющее большинство российских городов имеет такую демографическую структуру. Очень мало детского население

ния, зато очень много взрослого трудоспособного населения. Откуда оно берётся, если детей мало? Прирост происходит за счёт миграционного притока. В нормальной ситуации приток происходил за счёт сопредельных деревень в пределах небольшого радиуса. Что из этого вытекало?

Вот Костромская область, самая депрессивная во всей России. Это медвежий угол, не просто Нечерноземье, но он ещё и территориально удалён, где-то сбоку. Мы видим, что $\frac{3}{4}$ территории — это убыль. Больше трети территорий — убыль необратимая, т. е. больше 60% населения отсюда ушло и не собирается возвращаться. Эти территории, заселённые с XV века, теперь заселить невозможно. Из Костромской области пошла 300-летняя династия Романовых. Которую мы недавно торжественно отмечали впервые за многие годы в Москве. В Манеже была выставка на несколько часов, многие люди шли посмотреть на династию Романовых. Эти территории есть сердцевина русской земли, но в них происходят необычайные и страшные изменения. Там треть уже умерла, а $\frac{2}{3}$ на пороге полного исчезновения. За пределами маленькой точки на этой карте — это город Кострома — и маленького райончика, который его окружает, никакого роста населения не обнаружено, ни за счёт миграции, ни за счёт естественного притока.

Это самый депрессивный район, а что происходит в хороших? Возьмём чернозёмную зону, территорию рядом с Украиной. Вот город Курск и вокруг него небольшая зона с небольшим приростом, — около 20%, — все остальное точно так же, как и в Нечерноземье, здесь умирающая территория. Вот ещё одна богатая зона, — Алтайский край, ещё одна российская житница. Ситуация чуть лучше, чем в Костромской области. Здесь не только город Барнаул, но и другие маленькие городки более-менее выживают. В Европейской же части России малые и средние города теряют население. И так на большей части территории России. То есть, мы ежемесячно теряем территории с населением многократно больше населения Крыма. У нас существует проблема с тем, что в большей части территорий становится все меньше собственных ресурсов для выживания. А это значит, что приток в города, которые все в больших объёмах нуждаются в трудовых ресурсах, будет происходить либо за счёт Северного Кавказа либо Средней Азии. Других ресурсов нет.

Но в настоящее время резко упал уровень толерантности. Множество проблем решается с помощью перевода энергии недовольства из одной сферы в другую.

Теперь прогноз: впереди нарастание проблемы, которую никто не лечит; фобии будут расти неизбежно, по мере притока мигрантов из других стран и переселенцев из российских республик. А рост мигрантов задан потребностью городов в демографических ресурсах, при исчерпанности местных ресурсов.

Возникает вопрос: кто воспользуется возникающей ситуацией нарастающего потенциального конфликта? В общественном мнении, отчасти у экспертов, но в большей степени в прессе, существует убогое представление о русском национализме. По сути дела, его чаще всего отождествляют с ксенофобией, но это неправильно. Что такое ксенофобия? Ксенофобия — это дорассудочные или предрассудочные элементы массового сознания, которые направлены на неблагоприятное отношение ко всякому чужому, причём неблагоприятность может колебаться от мягких форм до жёсткой ненависти. Долгое время в России, ещё со времён философа Соловьева, понятия национализма и ксенофобии сливаются. Меня это не устраивает по причине несоответствия мировым понятиям национализма и нация. С политологической точки зрения правильно определять национализм как идею, которая выступает за преимущественные права общества (гражданской нации) по отношению к государству (властям). Как говорил К. Дейч: нация — это общество, овладевшее государством, и сделавшее его орудием реализации национальных интересов. Вопрос в том, как вы понимаете национализм. Есть гражданское представление о нации. В этом случае она тождественна всем гражданам вне зависимости от этнических, религиозных, расовых особенностей. Гражданский национализм — это деятельность, направленная на фактическую реализацию важнейшей

нормы российской конституции, на то, чтобы народ реально, а не номинально стал источником власти в государстве. Есть этническое представление о нации, в соответствии с которым представители определённого этнического сообщества должны занимать лидирующее положение в стране.

Так вот, в России существует массовый этнический национализм разных направлений — чеченский, татарский, калмыцкий, какой угодно. Есть и русский национализм, который изначально развивался на идее имперскости. Русский национализм всегда был имперским. Он всегда выступает за то, чтобы быть главным, чтобы сохранить территорию.

В.П. Макаренко: Можно сослаться на слова Сталина о том, что «русский народ — главный народ».

Э.А. Паин: Да, можно сослаться. Хотя не очень, поскольку сталинская идея не стимулирует никакого национализма, ни гражданского, ни этнического, она была направлена на сохранение империи. Но вот после распада СССР в рамках русского национализма появляется новый классический антиимперский национализм. Один из главных теоретиков русского национализма К. Крылов пишет о том, что «русский национализм появился в 2000-е годы». Это годы антиимперского национализма, который выдвигает такие лозунги: «Не народ для страны, а страна для народа». Русский национализм — явление новое, я отсчитываю его с начала 2000-х годов. В рамках русского национализма появился и гражданский национализм. Такие лидеры, как И. Лазаренко, из Национал-демократического альянса, уже выступают с идеей, что они отказываются от лозунга «Россия для русских», не признают русских государствообразующей нацией. С точки зрения Национал-демократического альянса, Россия должна идти по пути Евросоюза и образовать с ним единую общность.

Крайне любопытно вполне однозначное отношение русского национализма к крымским событиям. Почти все, кроме Национал-демократического альянса, поддержали присоединение Крыма к России, но оценивали его по-разному. Например, самый популярный националист Д. Демушкин говорит, что он усомнился в стремлении российской власти защитить интересы русских, поскольку она не защищает их интересы в России. По его мнению, отторжение Крыма от Украины — месть России Украине за Майдан, поскольку власть воров и жуликов боится революции. Вот выступление русского националиста. Это его слова, я лично не даю оценок насчёт того, прав он или не прав. Для меня это важно как индикатор процессов в самом русском национализме.

Перехожу к заключению. Застой, безвременье — это очередная эпоха, которая основывается, существует и держится на общественной апатии. Однако нынешняя апатия в России характеризуется беспрецедентной социальной тревожностью. Общество усиленно мобилизуется с помощью пропаганды. Пока властям удаётся использовать эту мобилизацию для самосохранения. Но в этом же самосохранении кроются и её возможные изменения. Кризис всей политической системы России будет усугубляться по мере нарастания всех кризисов — кризиса идентичности, кризиса институционального, кризиса демографического и других внутренних кризисов. Они не видны, но существуют и вызывают напор различного недовольства. Ресурс времени для маневрирования, переливания из пустого порожнего не бесконечен. Появляются новые социальные группы с неожиданными лозунгами. Я полагаю, что если и будет некий новый слой, который содержит какие-то шансы изменений, то он так или иначе будет связан с идеей национализма. Практически везде, по всей Центральной Европе, переход от авторитаризма к демократическим системам был связан с усилением роли национал-демократии. Так было в Польше, Чехии, Венгрии, Балтии. Но там национализм основан на борьбе с внешней империей. В России же нужно выдавить империю из себя. Эта задача намного сложнее и справится ли с ней русский национализм, большая часть которого и сегодня ещё имперская? — Неизвестно. Однако уже видно, что внутри обычного русского имперского национализма появляются новые течения с принципиально иной идеологией. Очень может быть, что они возьмут на себя функцию изменений.

Спасибо за внимание!

(Аплодисменты).

В.П. Макаренко: Прежде чем перейдём к вопросам, я скажу о новых исследованиях. В 2010 году вышла книга «Идеология особого пути в России и Германии: истоки, содержание, последствия», под редакцией Э.А. Паина. В книге осуществляется сравнение и описаны пункты сходства государственных идеологий стран, воевавших между собой. Очень интересная книжка. В 2013 году вышла книга «Государство, общество и управление», предисловие к которой написали Михаил Ходорковский и Адам Михник. В этой книге специалисты из Института философии РАН подробно рассматривают понятие государства и сравнивают власть в истории России и в современной России. В книге цитируются также работы ростовских учёных. В конце 2013 года вышла также моя книга «Русская власть и бюрократическое государство», её мы будем обсуждать на одном из круглых столов. Проблемой бюрократии я занимаюсь с 1974 года. В этой книге я попытался шагнуть немного в другую сторону. Приступаем к вопросам.

В. Козер: Эмиль Абрамович, носители психологии осаждённой крепости существуют и распространяют вокруг себя настроения вне и внутри страны. В психологии есть понятие паранойи, крайней формой которой является мания преследования. Что преобладает в России: чисто психологическая или чисто политическая сторона? Какое именно крыло преобладает в России: политические интересы толкают к подобным заявлениям или психологические проблемы?

Э.А. Паин: В человеческом обществе редко применяют союз «или», чаще пользуются союзом «и». Вы не сможете вычленишь совершенно чистую (с медицинской точки зрения) паранойю. Но при массивном нагнетании идеологии осаждённой крепости возникает реальная болезненная паранойя, — это доказано во многих странах. В условиях маккартизма нагнеталась психология осаждённой крепости «русские идут». В условиях холодной войны появилось массовое количество параноиков, которые выбрасывались из окна. Так что политика переплетается с психологией.

Второй элемент. Всякий актёр — а политик тоже актёр — не просто играет роль, он её переживает. Он натягивает маску, влюбляется, входит в роль. Короче говоря, здесь есть несколько аспектов. Существует атмосфера, в неё входят, кто-то заражается от других, а кто-то сам себя настраивает, чтобы искренне играть эту самую роль. Только «и», независимо не получается.

Н.Н. Евченко: Уважаемый Эмиль Абрамович, у меня вопрос как у экономиста. В последние шесть-семь лет мы постоянно говорили о проблеме взаимодействия власти и бизнеса, о климате предпринимательства, о создании условий для ведения бизнеса. Я уже 3 года работаю в аналитическом центре при Правительстве Ростовской области. Мы получили вопросы, связанные с тем, что правительство озаботилось улучшением климата взаимодействия бизнеса и власти. Как вы оцениваете успех этого начинания? Не поздно ли этим озаботились и вообще есть ли какая-то перспектива?

Э.А. Паин: Дело не во времени — поздно или рано, — вопрос в системе. Можно ли одновременно продавать массово водку и бороться с алкоголизмом?

В.П. Макаренко: Вполне *(смех в зале)*.

Э.А. Паин: Можно, потому что каждый департамент отвечает за свое. Одни увеличивают продажи для реализации товара, другие показывают свои антиалкогольные исследования и говорят, что кто-то принял на работу совершенно конченных алкашей. Вот ответ на ваш вопрос. Трудно одновременно создавать условия для предпринимательского климата и политическую ситуацию, при которой деньги бегут из страны. В одной голове это поместить трудно. О каком климате может идти речь, если количество выведенного капитала из России за два месяца 2014 года было больше, чем за весь прошлый год? Сказочность — такова особенность нынешнего управления страной. Что такое негражданское общество и ситуация, при которой

народ является источником власти только по конституции? Это ситуация, при которой позволительны различного рода сказочные проекты. А сказочный проект может себе представить все, что угодно. Один человек, а две головы. В сказке можно: «Я простой человек, но я король гишпанский». Это все сказки: с одной стороны, мы говорим о новых стимулах для экономического развития, о подводе нефтепровода и т. д., а с другой стороны, никаких денег для того, чтобы это осуществить, нет. Все деньги в тумбочке, а в тумбочку запускают руки на всякие крупные проекты.

М.С. Константинов: Представлены ли в процессах русского национализма праворадикальные идеи? Некоторые социологи отмечают спад активности праворадикальных группировок с 2012 года, а вы говорите об усилении ксенофобии, националистических настроений. Как вы к этому относитесь?

Э.А. Паин: Такое чудо бывает, и вполне вписывается в то, что я говорил. Только тут надо разобрать все детально и по частям. Спасибо за замечательный вопрос. Прежде всего договоримся различать ксенофобию и национализм. Ксенофобия растёт, она огромная, и есть огромное количество ксенофобов, которые терпеть не могут слово «национализм». В русском языке национализм давно имеет сугубо негативную ассоциацию. Человек может быть просто зоологическим ультраксенофобом, но при этом говорит «я не националист», и искренне верит, что он — не националист. И по своим политическим установкам он может не являться таковым.

Теперь второе. Ксенофобия растёт, а все организационные формы национализма слабеют. Есть масса таких признаков. Почему национализм не растёт? Потому что: национализм конкурирует; власть перехватила все идеи имперского национализма, практически не оставив место саморганизующимся группам. Зачем вам нелегальные националисты, когда сама власть предлагает целый ряд идей «русского мира», «права русских» и т. п.? Правда, власть отстаивает русских не в России, а за рубежом.

Вопрос с зала: Когда же это закончится? Когда власть прекратит говорить: зачем вам националисты, мы сами националисты?!

Э.А. Паин: Сейчас закончу, а потом перейду к вашему вопросу. Есть растерянность. Я много раз писал (правда, не в публичных работах, а для узкого круга), что по всем признакам можно зафиксировать факт: русский национализм сегодня организационно переживает наихудший период. Самое низкое участие в русских маршах, самое низкое участие в других акциях, сужение зоны поддержки даже в Интернет-сфере.

Теперь о правых и левых. Об этом пойдёт речь во второй части, а сейчас скажу, что пишут все теоретики: в 1990-е годы русский национализм совсем не был правым. Он был левый, его иногда маркировали как красно-коричневый. Он базировался на идеях возврата советскости и национализма. Вот такое сочетание. Если хотите, это национал-социализм, но не нацизм. Сегодня есть элитарный русский национализм, но он принципиально не левый. Он практически весь антилевый, антикоммунистический. Популярные русские националисты (Просвирнин, Крылов, Тор) сегодня все антилевые. Этот разрыв произошёл недавно. Правый национализм идеологически растёт, укрепляется, число его сторонников становится все больше. Но весь национализм организационно в ступоре, у него период паузы, критический период. Империя может выдержать любой национализм, но если власть стремится укрепиться в имперской стране, где существуют территории Татарстана, Северного Кавказа, Якутии, и хочет сохранить эту территорию, при этом используя идеи русского национализма, то из этого противоречия выбраться невозможно.

Н.Е. Ерохин: Слушая вас, люди создают себе маленькие планеты. Выйдешь за дверь, — там описанный вами беспощадный мир. Вы упоминаете Леонтьева. По-моему, он должен удалиться. Хочу вас спросить, как многолетнего, авторитетного и знающего исследователя: мы прошли точку невозврата в непонимании или она ещё впереди?

Э.А. Паин: Непонимания кем?

Н.Е. Ерохин: Интеллектуального непонимания.

Э.А. Паин: Это тема моего следующего доклада, после перерыва я расскажу, как наши интеллектуальные элиты разделяются на элитарную либеральную, левую, националистическую части. Причём, элитарные и массовые группы иногда противоречат друг другу. Сегодня в России степень противоположности векторов развития очень высока, такой никогда не было. И эта ситуация будет преодолена, но об этом я расскажу потом.

В.Ю. Попов: Русский национализм имеет несколько сюжетов. Например, в него входит царский миф и языческий миф, о которых написал книгу В.А. Шнирельман. Одним из таких сюжетов является сталинизация национализма. Почти все эти сюжеты инициированы спецслужбами, затем подхвачены, развиты, созданы, об этом есть свидетельства. Существуют ли родовые отличия русского национализма от национализма вообще, существующего в мире? И существенна или не существенна эта граница для изучения русского национализма?

Э.А. Паин: Этот молодой человек тоже был в Лиманчике, и мы тоже познакомились сразу. Надо сказать, что я про себя подумал: какие же интересные и самобытные молодые люди есть в Ростове, так что я рад встрече с вами. Профессор — он и есть профессор, я сразу понял, что мы одного поля ягоды. Вы меня тогда заинтересовали. Теперь о вашем вопросе. Я отвечу на него конкретно, но начну с общих вещей. Против чего я возражаю категорически и всегда, и это один из мотивов всего моего творчества? Этот мотив связан с критикой любого культурного детерминизма и предопределённости. Вот, мол, есть некий «русский мир» и какой-то «исламский мир», что они развиваются по своим сценариям и никогда не столкнутся. Те особенности русского проимперского национализма, который мы с вами наблюдаем, характерны для многих других стран. Франция — родина шовинизма, разновидности имперского национализма; английский национализм — имперский, он не сложился просто потому, что не сложилась английская идентичность; немецкий национализм третьего рейха тоже был имперским.

Второе. Есть набор принципиальных отличий, который отличает русский национализм от венгерского, чешского, украинского. Почему украинский национализм и украинская либеральная демократия едины, а у нас либералы и националисты — это две (до недавнего времени) абсолютно враждующие силы? Именно потому, что имперский национализм был принципиально антидемократичным, ему не нужна была демократия, он поддерживал императора и был против всякой региональной самостоятельности. В этом смысле все мифы, о которых пишет мой друг Витя Шнирельман (мы вместе учились в аспирантуре и знакомы многие десятилетия), важны, как детали и элементы. Мы не можем понять, почему европейские национализмы являлись основной движущей силой всех демократических революций. Вообще не было в мире буржуазных революций без примеси национализма или религиозности. Во время буржуазной революции в Британии пуритане боролись с баптистами. Без этнически-религиозной мобилизации революции не происходили, думаю, и в России не произойдут.

В этом смысле А. Навальный как умный человек что-то понял, как-то пытается. Он ещё не знает, не понимает, что происходит, но ощущает, что чистый либерализм в России не имеет никаких шансов на успех в политике. Для понимания специфической роли русского национализма надо понять его связи с имперской идеологией, со всеми частными мифами, которые укрепляют общий миф об особом пути России. Что такое особый путь? Это некая спецоперация по поводу того, что мы особые, не надо сравнивать, — они нам не нужны, они нам не указ. А я вам говорю: они — указ, и никуда вы не свернёте, есть стадийное модернизационное развитие, и общие тенденции прорываются как трава сквозь асфальт. Но надо понимать специфичность, а иначе будет другая система отчётов. Недавно я выступал в беседе с Л. Гудковым. Главная моя идея была — миф о Емеле на печи, когда можно не слезать с печи и воображать, что все может быть. Вера в чудо сегодня характерна как для власти, так и для оппозиции. Те и другие строят свои программы на чудесах.

М.Е. Трофимов: Вы говорите, что у нас существует два национализма — этнический и имперский, у которого значительную часть лозунгов перехватывает власть. Какой из них более перспективен для будущего?

Э.А. Паин: Я называл три национализма: имперский, этнический и гражданский (последний — скорее теоретический конструкт, чем реальность)

Итак, реально существует массовый традиционный имперский национализм и элитарный этнический, но антиимперский национализм. Он укрепляется идейно, завершает конструирование свода своих мифологем, целей и логических постулатов. Вот это новое. В историческом плане появление классического антиимперского национализма было характерно для всех стран-метрополий. В не-метрополиях появлялся сразу антиимперский национализм, а в метрополиях возникал французский, британский и немецкий имперские национализмы. Но имперский национализм везде уступил место антиимперскому. История ставит эксперимент. Будет ли Россия исключением из мирового правила? В это я не верю, но только жизнь покажет, правда это или неправда.

Реплика из зала: Как жаль, что «жить в эту пору прекрасную уж не придётся ни мне, ни тебе».

Э.А. Паин: Да, скорее всего так.

М.Е. Трофимов: Многие представители антиимперского и антилевого национализма осуждают Советский Союз за то, что русские создали республики Средней Азии и Закавказья. Но интересно, что эти же люди выступают за отделение Кавказа. В правом национализме возрастает ксенофобия на фоне возрастающего количества мигрантов из Закавказья и Средней Азии в Россию. В СССР никогда более одного миллиона азербайджанцев, грузин и армян не въезжало на территорию России и Украины. Вам не кажется, что лозунги правых националистов и антиимперцев направлены на создание маленькой России? Ведь нетрудно догадаться, что отделение Кавказа приведёт к тому, что в России появится огромное количество выходцев с нынешнего российского Кавказа. Но они станут иностранными гражданами, мигрантами или беженцами. Любой здравый человек понимает, что огромное количество выходцев из Средней Азии и Закавказья оказались в России именно потому, что оттуда ушла Россия. Если бы Россия не ушла, такого притока не было бы.

Э.А. Паин: Вы говорите: «Любой здравый человек понимает», но я, видимо, — не любой и не здравомыслящий, потому что абсолютно не понимаю эту связь. С Дальнего Востока мы никуда не уходили, Россия там по-прежнему, а народ оттуда бежит в объёмах, которые в советское время представить было невозможно. Я не вижу никакой связи между притоком среднеазиатских мигрантов и уходом оттуда России. Кстати, практическое опустение Дальнего Востока не связано с изменением границ. Вы согласны с этим?

М.Е. Трофимов: Согласен.

Э.А. Паин: Я показывал вам диаграммы численности населения. Раньше был приток за счёт окружающего ресурса, сейчас его нет, надо брать из Кавказа и Средней Азии. Был бы или не был бы СССР — эта потребность никуда бы не исчезла. Если нужны люди в Ростове, Костроме, Архангельске, то они придут по законам демографии. Если в одном месте есть спрос и платят деньги, а в другом месте есть население, то оно бежит туда, где есть предложение рабочих мест. У нас было демографическое изобилие, и считалось, что бабы ещё рождают, но уже лет двадцать, как демографического изобилия нет. А в Средней Азии все ещё рождают много, в этом отношении СССР от них не ушёл, он там ещё живёт. Не надо сравнивать Россию с Китаем, — вы вначале дайте сюда миллиард населения, тогда можно будет в России устроить Китай и китайский эксперимент. А у нас народу все меньше, а стоит он все больше. Он уже стоит больше, чем в Чехии и Венгрии. А в Китае тысячи людей можно за копейки привлечь на любую работу. Это две диаметрально противоположные ситуации.

М.Е. Трофимов: Может, я неправильно высказался, потому что вы меня неправильно поняли. В СССР экономика падала, а трудовые ресурсы росли. Сейчас ситуация обратная:

трудовые ресурсы свободные, люди перемещаются свободно, но наблюдается специфическая централизация. Жители района хотят переехать в райцентр, потому что там работы больше и платят больше; жители районного центра хотят переехать в областной центр, потому что там за ту же работу платят больше. Жители областного центра хотят переехать в центр округа.

Э.А. Паин: Я понял вас, это чисто теоретическая и географическая посылка. Поскольку я родом из СССР, я там жил, то вспоминаю, что процесс урбанизации был. Даже паспорта не давали, но народ умудрялся уезжать. Долго держать без паспортов было невозможно. Едва в СССР дали паспорта, пошёл процесс стягивания. В этом смысле по сравнению с плановой экономикой в России ничего принципиально нового не происходит. Вам кажется, что плановая экономика действовала рационально. Природа плановой экономики была ещё более сказочной. Была бумага, на которой было все написано красиво. Я много лет работал в этой системе, в России и в Монголии. Уже в горбачёвское время меня послали советником в единственный государственный проектный институт, он занимался всеми делами сразу. Я участвовал в разработке плана генерального расселения населения Монголии до 2025 года. У нас сейчас только 2014, а мы тогда писали, как им жить в 2025 году. Уже и СССР нет и той Монголии нет, а бумага есть, все красиво расписано. А тогда в Монголии на деле была юрточная урбанизация. То есть, на бумаге было расписано, что число городского населения растёт не по дням, а по часам. А фактически люди с юртами приезжали в Улан-Батор и их записывали как городское население. А потом они с теми же юртами уезжали в степи. Как хочешь, так и можешь записать, — как урбанизацию, так и деурбанизацию, это зависит от нужд статистики. Так что многое, что вам кажется по поводу СССР, надо пересмотреть. Люди всегда шли туда, где лучше. Так было всегда, при фараонах, при Навуходоносоре, так с тех пор ничего не изменилось.

В.Ю. Попов. Эмиль Абрамович, существует принципиальная сложность научного подхода к таким задачам. Потому что мы становимся на позиции какой-то политической силы, которая тоже участвует во всех этих дилеммах. Надо с методологической точки зрения развести мир людей и реальность. Я спрашивал у своих канадских друзей: есть ли в Канаде идея, что там мало народу? Большая страна, вторая после России, а населения там, если не ошибаюсь, около 40 миллионов, почти в четыре раза меньше, чем в России. Но идеи, что надо больше людей, там не существует. И сейчас масса явлений в нашей жизни вообще не обозначены и не названы, идейно не оформлены, но они есть и влияют. Есть некая идея о насыщении России традиционным населением, выходцами из других стран, которые имеют другие представления о мире. И эта идея связана с данным процессом.

Э.А. Паин: Круто ты закрутил (*смеётся*).

В.Ю. Попов: Да, но эта идея может мешать процессу.

Э.А. Паин: Я не такой уж философ, но, как Василий Иванович Чапаев, скажу: академии мы не кончали, но на ваш философский вопрос ответить довольно легко. Об идеях и политике я не буду говорить, но отвечу на то, что было спрятано в этом вопросе, и что резонно было спросить меня с самого начала. Вот вы нам рассказываете про демографический кризис, а что делать? Разве этот кризис только российский? Этот кризис везде, везде население стареет, везде доля стариков больше. Старым население считается по нормам 7%, а в России оно 15%, в Украине 20%, в Крыму — свыше 25%! То есть, это старое-престарое население. Но в чем разница между нашей старостью и в Швеции, где тоже старость? Наше старое население долго не живёт, и это имеет свои экономические последствия. Попробуйте подымите пенсионный возраст до средневропейского, при том, что у нас средний возраст жизни мужчин 59 лет. До 65 лет не доживает больше половины мужского населения, поэтому поднять пенсионный возраст нельзя. Что происходит в Швеции? Мужчина там живёт на 20 лет больше российского. За счёт продления жизни удваивается трудоспособное население. Поскольку в 60 лет ещё рожают детей, пишут книги и т. д., то происходит смещение, расширение возраста. Между демографией и социально-экономической проблемой довольно сложные взаимодействия.

ствия. Но есть одна взаимосвязь: продолжительность жизни железно связана — как закон Ома — с социально-экономическим положением. Уровень положения населения и уровень продолжительности жизни коррелируется почти на 100%. Страны с высоким доходом и уровнем жизни имеют бóльшую продолжительность жизни, это первый аспект.

Второй аспект — выход из безвременья. В странах, которые имеют перспективу, продолжительность жизни дольше. В Чехии, Венгрии и всех остальных странах социалистического лагеря в советское время продолжительность жизни и демографический показатель были такими же, как и в СССР. А выход этих стран из режима выживания к режиму развития привел к тому, что средний возраст там вырос. С точки зрения дожития русский мужчина в исторической перспективе на 20 лет старше шведа, на 14 лет старше американца, на 9 лет старше поляка. Существует прямая зависимость между увеличением качества жизни и продлением жизни. Если вы продлеваете жизнь, вы изменяете технологию труда, вам меньше нужно землекопов, а больше мыслящих людей. Тех, которые мыслят, и в 60, и даже в 75 лет могут рождают идею, претендующую на Нобелевскую премию. Это две взаимосвязанные вещи. Если страна переходит из режима «копать каналы», «поворачивать реки» в режим производства технологических идей, то она может обходиться и более пожилым населением. Если страна продлевает продолжительность жизни и вы получаете прирост трудовых ресурсов, то вам не нужно такое количество землекопов. Иногда мои коллеги говорят: «Да, трудовые ресурсы, миграция неизбежны, нужно с этим смиряться». А я говорю: не нужно с этим смиряться, ведь существующий масштаб миграции — это огромная проблема, вытекающая из состояния нашей экономики, из состояния нашего развития. При переходе от экстенсивного развития к интенсивному потреблению нужда в демографическом расширении уменьшается. И мы должны стремиться к интенсификации нашей жизни. Таков единственный стратегический путь решения демографического кризиса.

В.П. Макаренко: Можно реплику? Характер самих вопросов свидетельствует, что они, в основном, задавались философами, политологами или другими специалистами по общим вопросам профессиональному этнографу. Последний вопрос продемонстрировал отсутствие этнографического образования у аудитории. Эмиль Абрамович по основному своему образованию этнограф. Коллега-географ немножко ближе подходил к демографическому дискурсу.

В.Ю. Попов: Это ваше мнение.

В.П. Макаренко: Здесь, в основном, идеологические вопросы задавали. А докладчик владеет конкретикой. Если бы задавали конкретные вопросы, дискуссия была бы намного интересней. А то возникла некая дистанция между общими вопросами и конкретикой.

Э.А. Паин: Вы хотите сказать, что я неинтересен?

В.П. Макаренко: Ни в коем случае, просто мы задавали вопросы не по делу.

Э.А. Паин: Я хочу возразить. Мне понравились вопросы. Почти все вопросы стимулируют.

М.С. Константинов: Дело в том, что демографическая часть была лишь одной из трёх частей.

В.П. Макаренко: Николай Владимирович Гонтарь не задал вопрос, а между тем у него опубликован целый ряд статей по этой теме.

Н.В. Гонтарь: Я бы хотел поинтересоваться вашим мнением. Можно ли провести параллели с Европой? Дело в том, что последние муниципальные выборы во Франции дали большие преимущества правым партиям, во многом националистическим. Существует ли сходство между российской и европейской реакцией на миграцию?

Э.А. Паин: Жалко, что такой вопрос задали в конце, а он суперважный и интересный. На эту тему можно было бы отдельную лекцию прочитать, но я начну с самого конца. У меня многие студенты пишут материалы по сравнениям. Национальная и демографическая политика в России и процессы в Европе — это квазипохожие вещи. Они похожи, но вытекают из разных причин. Эти проблемы возникли из-за того, что у нас ещё не построена нация, а в

Европе и на Западе ею пренебрегли. О ней забыли, и посчитали, что живут в едином мировом общежитии. Им не важны нации и национальные государства. Они будут жить в Евросоюзе. И как только они к этому пришли, они использовали идею мультикультурализма, которая им сегодня выходит боком. Идея свободы миграции тоже сегодня выходит боком. В этом смысле существует некое сходство между утопическими идеями многих российских и западных деятелей. Под воздействием постмодернизма и левизны у них была идея: одна европейская нация — это хорошо; они стали сочинять единую европейскую конституцию, но места для неё не оказалось. Оказалось, что ещё много десятилетий национально-государственный уровень останется важнейшим. И защита национально-государственного уровня и национальных интересов — это ещё на века. Ну, если не на века, то на многие десятилетия. Сегодня ясно, что политический, экономический, демографический интерес стоит, прежде всего, на уровне национального государства, а все остальное — дополнение. На этой основе возникли большие проблемы, и они не знают, что делать. Раньше они боялись польского сантехника, теперь боятся таборного цыгана.

Я был в Германии на конференции, это было жутко. Весь вечер говорили представители цыганского общества, как они научились давить на правительство. Я говорю: «Понимаю, как вы его давите и как оно идёт вам на уступки, а что вы делаете, чтобы самим решать свои проблемы?». — Они даже не ставят такого вопроса. Может, вы учите своих представителей, что не нужно такое количество гадалок? Может, из них делать таксистов или водопроводчиков? Нет, они не хотят и не собираются их этому обучать, и это реальная проблема. Я говорил, что никакие проблемы не надо затушёвывать.

Европейцы создали межэтнические проблемы, а сейчас не знают, как им быть. Есть закон свободного передвижения, и есть румыны, которых не хотят видеть ни в одной стране. Все это из области поспешных идеологем. В этом смысле существуют проблемы различного генезиса и типа. Сейчас быстро объясню, в чем разница. Проблемы миграции во Франции, Германии, Британии различны, но есть нечто общее. Во всех этих странах нужно подтянуть мигранта до уровня культуры и ценностей, какие есть внутри данных стран. В России уровень правосознания местного населения немало превосходит уровень правосознания пришедшего населения. Невозможно представить себе, что пришлый примет право, которое не уважает даже местный. В Европе существует культурно-правовой каркас, который подтягивает пришедшее население, а в России — внутренний вакуум. Центральную роль в адаптации мигрантов играет принимающее сообщество. Поэтому миграционные программы России нельзя читать без смеха. Федеральная миграционная служба России разработала сказочные программы интеграции мигрантов. Их не во что интегрировать. В России надо вначале создать культурно-правовую устойчивость, чтобы основное население её твердо знало, тогда можно адаптировать к ней мигрантов!

(Аплодисменты аудитории).

Новые материалы по идеологическим течениям современной России

Э.А. Паин. В перерыве я говорил некоторым из вас: мне приятно, что в зале собралось много молодых людей — политологов, экономистов, юристов, географов. Хочу сказать вам некоторые вещи. Перед выступлением я всегда ощущаю энергию зала. Если зал «мёртвый», я не могу продолжать выступление, возникает ощущение полной бессмыслицы. Хочу поблагодарить вас, так как у меня не было ощущения полной пустоты, мне было довольно-таки тепло. Мотив моего доклада не связан с тем, что я хочу перевоспитать, научить, образовать. Как правило, у меня мотив сугубо эгоистический — мне это интересно. Если появляются новые вопросы, то часто появляются свежие идеи, часто даже более важные, чем из умных книг, которые можно прочитать. Поэтому я часто откликаюсь на предложения выступать на публичных лекциях.

Есть несколько установок для всякого исследователя. Для меня одной из них является спор о культурном детерминизме. Существует два подхода к социально-культурным явлениям. Первый — это полное игнорирование. Когда люди занимаются политологией, правоведением, экономикой, географией абстрактно, как будто они сидят в лаборатории и делают это для мира в целом. Когда они проводят исследования, то полагают, что это будет кому-то полезно, что люди освоят эти исследования и будут по ним жить. Вы можете написать — и через сто лет, может, кто-то обратит внимание на ваш стог бумаг. Но влиять на жизнь они не будут. Мы знаем массу примеров, когда британские юристы написали прекрасные конституции, но за два квартала от места, где читают эту книжку, жизнь с ней не имеет ничего общего. Там территория свободных перемен, можете писать что угодно. Если вы не осваиваете это культурное пространство, то большая часть вашей конструкции будет бессмысленной.

Но есть другая сторона — мифологизация социокультурного пространства. Чаще всего это происходит по причине слишком широких обобщений. Вот, мол, есть некий неизбежный русский цивилизационно-культурный код и мы всегда будем жить так. Всегда будет империя, всегда будет существовать несекулярное сознание, «русские вообще», «ислам вообще». А то, что ислам разный (например, в Косово и в Индонезии), никого не трогает.

Наше исследование идеологических течений имело целью показать многоликость нынешней России. Уже сегодня она неодинаковая, поэтому представление о некоем врождённом свойстве теряет смысл. Если это свойство врождённое, то почему одни выбирают одно направление развития, другие — другое? Значит, есть свобода выбора, значит, не существует нечто, что считают «полученным с молоком матери», через какие-то флюиды, через солнечные энергии (как писал Л. Гумилев) или другие какие-то импульсы. При такой схеме мысли полагают, что есть раз и навсегда предустановленное направление, которое развивается в рамках некой написанной им системы «молодой-старый-мертвый». На деле есть выбор многих направлений. Даже в условиях безвременья, высочайшего уровня манипуляции массовым сознанием невозможно привести к всеобщему знаменателю и единомыслию разные идеологические движения.

Со студентами и аспирантами мы проводим исследование Интернет-аудитории, недавно к нам подключился Левада-Центр. Отчасти я вам рассказывал об этом исследовании в прошлом году. Может, кто-то был на прошлой лекции? Сегодня я кратко расскажу, что мы получили в прошлый раз, а в основном остановлюсь на том, что мы получили на этот раз.

Мы провели исследование Интернет-аудитории и сразу выделили четыре идеологических направления. Размежевание идёт по исторической памяти, это те идеологические течения, которые появились в России ещё в начале XX века. В советское время они как будто все исчезли. Но едва стало можно — всплыли все течения, которые были ещё в начале XX века. У нас появились провластные группы, националисты, либералы и левые. Правда, левые внутри себя разнятся.

При обсуждении результатов нам часто говорили: «Что за упрощение, каких четыре, их сорок четыре!». Это все зависит от того, как вы нарубите свои типологические группы. Но почему они есть в самом названии? Потому что эти группы легко идентифицируются в Рунете. Мы это видим даже по названию тех страниц и групп, которые есть в интернете, как они себя маркируют. Кем они являются на самом деле, — это вы потом узнаете. Но они сами маркируются, включаются, соединяются по идеологическим знаменам. Это видно по названиям — у националистов группы «Я русский», у левых — «Коммуна», «За Советский Союз». То есть, существуют видимые самоназвания, которые ещё легче отличить, чем Ваню от Пети. Все эти самоназвания манифестируются.

Мы выделили в рамках этих четырёх типов две неравные по численности группы, одна — массовая, она легко читается во «ВКонтакте». Мы провели контент-анализ и выявили самые массовые группы, к которым чаще всего отсылается. Все эти группы, независимо от того, кто они — националисты, левые, либералы, провластные, — отличаются одним спосо-

бом: высочайшим уровнем когорты. Существует также разная степень интереса к идеологии как некой политической идее. Слабая идеологическая диверсификация и слабый интерес к идеологии проявляется не только в провластных группах, но и у либералов. Самый высокий теоретический интерес у левых, на втором месте стоят националисты. Элитарные слои всегда отличаются от массовых. Я покажу вам это на примере право-националистических групп. Они отличаются большим уровнем автономизации собственного сознания и большей оппозиционностью, чтобы отличить себя.

Массовые и элитарные группы — это две неравные группы, сознание, которых мы зафиксировали. В некоторых случаях (как это случилось после событий Крыма) они кардинально различаются по своим оценкам. Хотя не перестают именовать себя общим именем.

Я говорил о безвременье. Это не только теоретический синоним, не только то, что фиксируют политики, это то, что наблюдается во всех группах. Отношение к настоящему более чем скептическое. Позитивных оценок происходящих процессов и событий в 2012 году не наблюдалось ни в одной группе. В суждениях о будущем никакого позитивного образа не было. Даже у националистов и у левых, у которых вроде бы есть некий ясный знак, к чему идти. Русская государственность — общий объединяющий критерий русских националистов. Левые тоже молятся государству, но с явно выраженными эгалитаристскими тенденциями. Либеральный проект самый расплывчатый, это наблюдается даже в самоназваниях, которые скорее похожи на клички, чем на названия.

Теперь о тематике. Зелёный столб обозначает новости. Сиреневый столб — идеологии. Следующий столб — организационные вопросы. Красный — это нечто иное. У всех групп в качестве тематики преобладают новости. То есть, люди переписываются, передают друг другу уже известные новости. Новости занимают львиную долю социальных контактов в любой из групп. В провластных группах доминируют не обсуждение и оценки, а просто информация.

Теперь об идеологиях. Интерес к ним более-менее развит у левых. Они часто обсуждают идеологические новации, теоретические изыскания, популярных теоретиков — Маркса, неомарксистов и новые течения. Левые сегодня — самое разношерстное течение, которое разделилось на противоположные группы. Первая — прокоммунистическая, она преобладает в массовом сознании. Вторая группа — «новые левые». «Старые левые» ненавидят “Pussy Riot”, «новые левые» именно их защищают. «Старые левые» защищают рабочий класс, «новые левые» защищают новые группы сексуальных меньшинств, религиозных меньшинств и т. д. Это их основной объект защиты. Тем не менее, они называют себя левыми и какие-то общие элементы, символы и вождей они признают в качестве базовых.

Русские националисты занимают второе место в графе идеологий. А с точки зрения организационных вопросов левые и националисты стоят примерно на равных позициях. Они очень озабочены вопросами и методами самоорганизации. Сегодня у националистов осуществляется плавный переход от политической тематики (особенно после Крыма) к неполитическим вопросам. Сегодня лидирующей становится тема здорового образа жизни. Это — способ ухода от политической тематики. Вторая тема — политическое воплощение заветов Солженицына о народном сбережении.

Таков ответ на первую часть моего доклада: как сберечь народ в условиях того, что нас становится все меньше и меньше, и демонизации демографической угрозы. Она не просто рассказывается, а квалифицируется как нечто чудовищное: нас становится все меньше; мы должны сохраняться демографически, чтобы остаться главным народом. Интересно вот что: самой массовой группой является провластная группа; в ней состоят миллионы бездействующих участников, которые никакой активности не проявляют. Они просто подписываются на опубликованные материалы. Но это не означает, что они их обсуждают, хотя число записавшихся огромное. Нам сегодня нужны страхи, а не «хлеб и зрелища». Страхи распространяются с огромной энергией.

До Крыма — взрыва «внешнего врага» — я выделил десять или пять самых популярных тем. Эти темы лансировались в группах и были связаны с внешними угрозами России. Они воплощались в выступлениях дугиных, леонтьевых, мамонтовых и иже с ними. Подобными материалами устрашают, но такая информация обычно циркулирует в замкнутом узком кругу. В марте 2014 г. Левада-Центр провёл исследование. Мы сделали выборку по нашим материалам — представили типичные фразеологические обороты и лозунги, характерные для каждой группы. Социологи попросили аудиторию оценить ситуацию.

Например: вы находитесь на площади, где проводят митинги или проходит какой-то марш; какие лозунги вы поддержали бы или вы вообще не приняли бы участие? Л. Гудков говорит, что у нас аполитичная страна: националистов, либералов и прочих всего 10%. Но оказалось, что определившихся больше половины, только 46% принципиально сказали, что мы в этом не участвуем, не присоединились бы ни к какой группе или ушли бы с площади. Иначе говоря, более половины нашего населения идеологически определилось.

Второй вопрос: людям разрешалось переходить в другую группу. Я говорил, что с точки зрения формальных признаков по всем нашим опросам на первом месте находится молчаливое большинство, которое поддерживает власть, второе место заняли левые, третье — националисты, на последнем — либералы или прозападные. Мы попросили выбрать лозунги. Выяснилось, что на первом месте, с огромным отрывом, оказались русские националисты, на втором левые, на третьем — провластные, на четвёртом — прозападные. Националисты — самая молодая часть общества. Либералы ещё старше левых, таков парадокс в российских условиях. На Западе либерализм переживает расцвет, потому что они поняли, к чему приводит посмодернизм и отказ от национальных устоев. Все правые в Европе являются либералами и все выступают за модернизацию. К этой группе принадлежит молодёжь, у нас к ней принадлежат обречённые старики, которые сформировались в перестроечное время. С таким либерализмом в России делать нечего. В основном, это московская тусовка. За пределами Москвы её доля ничтожно мала. У националистов за пределами Москвы самое большое представительство, а у либералов там почти никого нет.

Ещё одна особенность: мы посмотрели, как пересекаются группы. Как получилось, что националистические лозунги занимают лидирующие позиции? Оказалось, что люди, поддерживающие Путина и власть, поддерживают также националистические лозунги. Присоединение Крыма под лозунгом «Поддержим русских!» привело к победе националистов. Главную поддержку во всех группах получили националистические лозунги. Это имеет свои следствия.

Был ещё один вопрос: какую политическую модель вы предпочитаете? Предлагались западная, советская (времен Сталина, Хрущева, Брежнева) и царская модели. Для меня было шоком: 40% — самая большая часть — выбрали западную модель. Но примерно столько же процентов поддерживают сталинскую модель, считая Сталина сильной политической фигурой. Для современного человека не существует ясности лидеров и оценок. Единственной системой оценок являются оценки старых режимов, потому что новых нет.

Второе. Если сравнить общую массу с Москвой, то в Москве 52% поддерживают жизнь «как на Западе» и меньше 20% поддерживают Сталина. Иначе говоря, получается определённая консолидация взглядов. Москва — это модель, которая станет общей для всей страны. Будучи аспирантом, я провёл исследование, в котором выявил: вслед за появлением малодетной семьи в Москве, она постепенно появилась в крупнейших, затем в крупных городах и т. д. Поэтому могу утверждать: возникшие в Москве политические нормы могут стать массовыми по всей стране. В марте все группы, включая либералов, позитивно оценили присоединение Крыма. У националистов оказалось, что большой разницы между группами «Я русский» и «Путин — наша сила» не было.

Возникает вопрос: в чём разница между националистами и провластными? Первая группа поддерживает идеи, вторая группа поддерживает личность. Это те же люди, которые в

1990-х поддерживали партию «Наш дом — Россия», которые поддерживают власть как таковую. Это — самая массовая группа. В 2012 году ни одна группа националистов Украину не вспоминала, но никаких признаков единства не наблюдалось. В то время главной темой обсуждения в этой группе было «нашествие мигрантов» (кавказцев, мусульман). Оно занимало 90%. В настоящее время почти все сообщения посвящены Украине. Русские националисты бичуют «проклятых украинских националистов». По таким опросам самый популярный у нас — Крылов. Отношение к Майдану у элитарных националистов разное, но в основном его оценили позитивно, хотя по разным причинам.

Для ЛДПР Майдан — это мечта, они завидуют тому положению, которое занимают украинские националисты в обществе. В Украине либералы и националисты занимают единый фронт и реально влияют на власть. Практически все националистические группы это поддержали, но отношение к Крыму поменялось. Элитарные националисты скоро опомнятся и уровень оппозиционности неизбежно возрастет. Антизападные настроения зависят от информационного потока. Тема Крыма скоро упадет. В Донбассе может что-то начаться или не начаться. Количество негативных антииммигрантских настроений будет возрастать. Идея «защитим русских в России» и число лозунгов и мероприятий по защите русских будет возрастать с каждым днём. Уже был самый большой митинг в Махачкале, были выступления в Кизляре. Эта тематика будет нарастать по нарастающей. Так что работа у националистов есть на годы вперёд. Вначале подтянутся элитарные группы, за ними — все остальные. Мы готовим книгу с условным названием «Многоликая Россия». Не «единая», а «многоликая». В ней существуют разные тенденции, она не единая.

С.П. Поцелуев: У меня уточняющий вопрос. В графике по Москве получается, что поддержка Путина там была в 4 раза больше, поддержка левых раза в два, а националистов — в 1,2 раза больше, чем в среднем по стране. Как это объясняется?

Э.А. Паин: Это объясняется просто: если либеральное движение у нас чисто московское, то остальное — мелочи. Националисты распределены более равномерно, но в основном они тоже в Москве и в Питере. Все лидеры, штабы и организационные вопросы националистов решаются в Москве. Как я говорил ранее, то же самое будет по стране через 15–20 лет, а пока что оно в Москве. Сегодня главным образом все процессы идут в Москве. За пределами Москвы мы не знаем ни одной фигуры. В Ставрополье сильно действует партия «Новая Сила», но её лидер Соловей находится в Москве.

В.Ю. Попов: Вначале сошлюсь на книгу В.П. Макаренко о проблеме бюрократии, в которой он пишет, что бюрократия использует определённую технологию самосохранения, когда в обществе нарастает отрицание господствующей идеологии. В определённый момент бюрократия подхватывает эти лозунги и начинает их использовать. Например, в конце 1980-х это была западническая антитеза. Но какая бы не была антитеза, выдаваемая за желаемое, бюрократия не будет её исполнять, потому что у бюрократии другая задача, она использует её просто как ширму. Можно ли русский национализм изучать как национализм вообще или это специфическая форма бюрократического воздействия на общество, которую можно изучать в форме внутренней колонизации? И можно ли названные вами националистические движения назвать по-другому, скажем, персонифицированный этатизм или как-то иначе? Я недавно познакомился с осведомителем, который закончил Дипломатическую академию. Он мне показывал книгу «Комитет 300», они читают такие книги и не читают научные книги. Я ему задаю вопрос: «Почему вы не читаете научные книги, разве вы не в состоянии прочесть сложные книги теоретиков социальных, а читаете популярную литературу о заговорах?». Поэтому в националистической среде они чувствуют себя комфортно. В среде осведомителей нет никакого политического движения, это некий другой объект, для изучения которого нужны другие, специфические инструменты.

Э.А. Паин: Ответу на все вопросы. Что общего между квазинационалистом и перехватчиком идей и программ? До недавнего времени С. Собянин не имел ничего общего с нацио-

налистическими лозунгами и потому не имел шанса выиграть выборы. Но едва их объявили, перед ним возник вопрос: зачем упускать такой козырь? Он боролся не с националистами, а с Навальным, прагматичным националистом, и, кстати, тоже перехватчиком. Самым популярным по использованию антииммигрантских и националистических лозунгов оказался С. Собянин. Даже Демушкин сказал: «Он украл все наши лозунги!»

Но в чем тут разница? Собянин все-таки выбирался на пост мэра Москвы, а не президента. Мэр Москвы мог себе это позволить. Если раньше в первой графе проблем Москвы была проблема транспорта и пробок, то после выступления Собянина проблемой номер один стали мигранты. То есть, он не только воспользовался антииммигрантскими настроениями, он ещё их сконструировал. Но Собянин — не Путин и никогда им не будет, а если и будет, то не будет выступать с тем же. Потому что на уровне России с этим не выступишь. И как только Собянин выступил, Р. Кадыров написал заявление о безобразном выступлении московского мэра. Если хочешь сохранить территорию, то выступать с такими лозунгами не получится, особенно на первых порах. Если их использовать, они будут иметь разрушительную силу.

Второй аспект — идея заговора. Это тоже симптом элитарной группы. Если элита уверена в заговорах, то в качестве смыслов она не годится, она не будет выполнять свои функции. Сегодня используется «сказочная терапия» — все разрешено, вы можете делать все, что угодно. Но сказочная терапия не лечит от голода, не может быть все время, когда-нибудь она закончится. Вы можете сколько угодно рассказывать сказки, но проблемы не исчезнут. В таких условиях возрастания социального недовольства группа националистов будет только становиться все популярнее. Национализм будет более органичным.

Вопрос из зала: Можно ли употреблять термин «элитарный национализм» относительно полуподвальных групп? Захват Крыма был сделан для внутреннего потребления или в процессе внешнеполитических игр? Будет ли в России развиваться классический либерализм с правым уклоном?

Э.А. Паин: Если вы говорите, что это не элита, то должны дать свое определение. Есть разные определения элиты. Самое распространённое — под элитой понимают влиятельных людей. Другой критерий — когда элита становится моделью для подражания. В этом отношении Сурков не является элитой. Но я говорю не с точки зрения набора идей или поведенческих стереотипов, а говорю о русском национализме как об элите влиятельных людей. На Крылова постоянно ссылаются. Это популярные и влиятельные фигуры. У нас такая националистическая элита. Свое влияние они не потеряли, а по моим прогнозам ещё и наберут очки.

Теперь о либерализме. Его влияния практически нет. Есть группа людей, которые сами себя так называют, но в совокупности это группа старых диссидентов, которые опираются на западный стиль жизни. 40% опрашиваемых отвечают, что они хотят жить в таком обществе, как на Западе, где свобода передвижений, меньше криминала, чище улицы и т. д. Но настоящего либерализма, который понимает, что это такое, у нас пока нет. На Западе сейчас появляются либералы, которые требуют определённых технологий и переосмысливают либеральные ценности. Западные либералы уже осудили мультикультурализм, наши все ещё говорят о нем. Такова специфика догоняющей модернизации. Стереотипы теории заговора есть не только в России, но и на Западе, особенно во время прекращения холодной войны. Уровень исламофобии в США выше, чем в России.

Вопрос из зала: Видимо, государственная политика специально разобщает либералов и независимых националистов. Каковы возможные факторы их объединения?

Э.А. Паин. Это происходит на политических мероприятиях, которые называются «Окупай Абай», где либералы и националисты стояли вместе. Их объединяли общие требования. Те и другие признают, что народ не является источником власти. Те и другие говорят, что существует проблема несправедливого представительства русских. Либералы начали говорить о правах русских, перестали бояться защиты прав русских. Почему о правах обиженных

аварцев можно говорить, а о правах русских нельзя? У нас есть территории, где введены антиконституционные законы, в школах существуют исламские дресс-коды, женщина-немусульманка не может преподавать в школе, или ей надо одеться по мусульманскому обычаю. Это происходит в нашем субъекте федерации. Об этом сейчас начали говорить люди, которые раньше защищали только права этнических меньшинств. Определённые стыки этих идей есть, но едва они образовались, сразу массовое сознание перевели в противоположную сторону. Для политических процессов не оказалось места. Для политических процессов нет места, давайте больше «Бирюлево», давайте больше «лучше». То есть, все смещалось совершенно в другую плоскость, где никакого союза не может быть.

Националисты и либералы оценили «Бирюлево» по-разному. Все группы националистов посчитали это народным протестом, который надо поддержать. Все группы либералов сказали, что это погром. И только я вам скажу, что там было и то, и другое. Там было то, что требовало осуждения всякого порядочного человека, а не только погром. Фактически это была новая «Хитровка». Когда-то люди в Москве все понимали, что такое «Хитровка». Всякий интеллигентный человек понимал, что «Хитровка» — это бич, несчастье, место концентрации уголовных элементов в Москве. Бирюлево тоже был рассадник уголовных элементов, они там не просто работали, а жили, как в концлагере. Там прятались уголовники, там было исчадие ада. И никто про это не говорит. Никто не говорит, что это надо было закрывать! Мэр не скажет и не закроет. Годами существовал «Черкизон», никто из либералов об этом не говорил. Местом объединения либералов и националисты стала новая «Хитровка». Это был новый антисоциальный, антикультурный, антиэкологический рассадник.

До сих пор группы националистов и либералов опасаются друг друга. Меня не любят не только патриотично настроенные группы граждан, но и те группы либералов, которые считают меня не либералом, а русским националистом. Я же полагаю, что есть очевидные направления совместной деятельности.

Вопрос из зала: Хотя статья в Конституции запрещает официальную государственную идеологию, какие следы в национальном сознании может оставить современная государственная идеология России?

Э.А. Паин: Понимаете, это закон отрицания отрицания. 1990-е уходят, когда мы из Конституции убрали идеологию. Нулевые отличаются пересмотром Конституции. Многие поколения будут использовать российскую схему, когда можно, не меняя конституцию, полностью её изменить. Субъекты федерации не меняются, а губернаторы не избираются, а назначаются. Никаких правил про Совет Федерации, а он меняется. То есть, можно обходиться без конституции. Хотя она уже меняется, сегодня графа официальной идеологии отменена, постольку есть наша общая концепция культуры. У нас принята стратегия государственной политики, которая принята Указом Президента и меняет государственную идеологию. У нас будет принята новая концепция государственной культуры, из которой вытекает стратегия государственной идеологии. В прежней Конституции была разрешена толерантность, а в новой концепции слово толерантность будет упразднено как недопустимое слово. В ней будет указано, что Россия — не Европа и не Азия, и вообще особый путь. Это чистый *Sonderweg*. К чему это приведёт? Через какое-то время просто подтвердят неконституционность государственной идеологии. А пока этого не произойдёт, возникнет реабилитация того, что мы уже пережили. Мы переживаем период бурной реставрации старых идей. Они влияют на быстро переменчивое состояние массового сознания. В 1989 г. все поддерживают СССР, а в 1991 году все покидают коммунистические ряды. В 1997 году коммунизм был не так уж плох, а через три года нам уже не нужен ни коммунизм, ни либерализм. Мы живём в зоне неустойчивого массового сознания. У нас сегодня солнце, а завтра снег.

М.С. Константинов: У меня возникло ощущение, что вы полагаете, что националисты ушли в оппозицию. Но вы также заявляете, что это тренд заимствования государством нацио-

налистического дискурса. Всё больше радикализуется позиция власти. И тогда все эти Демусхины и Крыловы останутся просто не у дел. Я правильно понял вашу позицию?

Э.А. Паин: Не вполне. Но хорошо, что вы акцентируете на этом внимание, потому что это надо прояснить. Сегодня используется массовый имперский национализм. Если бы имперская идеология была бесконечной, то национализм как таковой был бы выброшен как совершенно ненужный. Потому что власть может дать национализм лучше и в большей мере, чем сами националисты. Но оказывается, она ограничена в этой возможности, не может его представить в полной мере. Поэтому для внешнего пользователя мы выдвигаем лозунг: мы будем бороться с националистами, фашистами и т. п.; а для внутреннего пользователя мы берём все те же лозунги — «русский народ — главный», «русский народ — организатор» («он широкий и большой»), а насчёт остальных — непонятно. Это все из недавно сказанных речей. Как только решается задача внешней политики, эти формулы не навечно. Рано или поздно от них придётся отказаться, надо будет менять дискурс, налаживать отношения с другой стороной, где худо-бедно сорок миллионов останется, и газ через них ходит. Когда-нибудь с ними надо будет наладить отношения. Тогда возникнет внутренний вопрос.

У нас не многонациональная, а многосоставная страна. В том смысле, что есть территории с преобладающими другими этническими группами, эти территории имеют собственную административную систему. Если вы хотите это все сохранять, то педалировать русский характер этого государства не получится. Я изучал эволюцию стратегии государственно-национальной политики. На первом заседании в ней были написаны пять целевых установок. Первая установка была такая: Россия — это особая цивилизация. На втором заседании эта установка была выкинута. Возник главный лозунг: «Гражданское единство, независимо от национальной принадлежности». Этот лозунг не имеет ничего общего с национализмом. Сохранение страны означает сохранение гражданского единства. Все патриоты радуются присоединению территории, но они были бы очень огорчены, если бы потеряли страну. Её уж точно надо сохранить. Поэтому если они хотят сохранить, то давить на силу этнического большинства не получится. Поэтому я говорю: власть ограничена в продвижении идеи национализма. А национализм ничем не ограничен. Они защищают одну нашу общность.

В.Ю. Попов. А. Пятигорский в своих лекциях говорил: «Томас Джефферсон, общаясь со своими коллегами, заходя в конгресс, описывал, что ему там неприятно, они плохо пахнут, они сморкались, осуществляли всевозможные физиологические отправления». Затем Пятигорский говорит: «Как случилось, что эти грязные люди начали прислушиваться к той небольшой элите, которая начала создавать США?». Я не согласен с тем, что в России нет классического либерализма. Если его ядром является частно-предпринимательская экономика, то борьба, которую государство развернуло с частно-предпринимательской экономикой (включая закрытие рынка), свидетельствует об обратном. Понятно, что эта экономика была сделана с большими нарушениями и криминалом. Но базой для становления либерального мировоззрения является частно-предпринимательская экономика. Сейчас она уменьшается, поэтому либерализма не будет. Вообще в России линия разлома идёт между экономически грамотными, самостоятельными и деятельными, и экономически безграмотными, несамостоятельными и бездеятельными людьми. У нас думают, что деньги появляются потому, что им платят зарплату. И никто не думает, как достигаются деньги.

Э.А. Паин: Вон лежат в тумбочке, можно взять и купить стол или построить стадионы для чемпионата мира.

В.Ю. Попов: Да. Ведь сколько угодно можно желать западного стиля жизни, но если не будут понимать, благодаря чему он достигается, у нас не получится его построить. Если посмотреть с другого края, то Сталин является могильщиком русского крестьянства, и больше нет никаких русских идей.

В.П. Макаренко: В чем же твой вопрос?

В.Ю. Попов: Это не вопрос, а конкретика. Когда вы говорите, что рынки криминализованы и их надо было закрыть, то чего здесь больше: неприятия грязных рынков, которые лежали в основе европейской цивилизации, или неприятия российских рынков? Ведь в окрестностях Парижа тоже находились грязные рыбные вонючие рынки, которые описаны у Броделя. Но хорошо известно, что французская революция есть революция французских зеленщиков. Не означает ли неприятие рынка неприятие революции? Для меня рынки есть основа самостоятельности, возможности иметь независимый экономический доход, база экономически независимых людей.

Э.А. Паин: Надо понимать, что Бирюлевский рынок и общий рынок предполагают осмысливание. Но вы слово *рынок* используете в принципиально разных значениях.

В.Ю. Попов: Это очаги самостоятельной деятельности, я не смешиваю эти понятия.

Э.А. Паин: Бирюлёвская база — это принципиальный антирынок. Почему? Потому что он был сращён с государством. Им руководил коррупционер-чиновник и самый настоящий уголовник. Если вы знаете историю бирюлевской базы, то у вас такие вопросы не возникнут. Люди, которые пришли с Дагестана в качестве охранников, вытеснили хозяев. Им сделали такие предложения, от которых сложно отказаться. И все хозяева просто исчезли. Бирюлевская база ничего общего с рынком в его социально-экономическом понимании не имеет. Это контора, сращённая с государством.

В.Ю. Попов: Это заблуждение. Я занимаюсь предпринимательской деятельностью тринадцать лет, а теперь скажу. Там люди зарабатывали на себя. Имея этот заработок, они могли выступать, требовать от власти выполнения её обязательств, оказывать на неё давление. То была экономическая база.

Э.А. Паин: Это все было не так.

В.Ю. Попов: Вы говорите об охранниках рынка, но не предпринимателях рынка.

Э.А. Паин: Охранники рынка стали якобы-предпринимателями. И торговали не продуктами, которые привозили с Дагестана, а наркотой. И такого рода извращения — превращение якобы-рынков в уголовные предприятия — происходят сплошь и рядом. А с частным предпринимателем, который может быть источником идеологии свободного рынка, этого не происходит, зато происходит олигархизация. Эта тенденция была очень характерна для Латинской Америки. Поэтому понятно, что всегда после криминальной олигархизации приходили военные хунты. Вначале происходит некое сращение некоего свободного рынка с криминальной системой, которые криминализируют общество. Затем появляется спрос на внешнюю полицейскую или военную силу, которая оказывается единственно способной поддерживать порядок. Множество таких волн, как в Латинской Америке, происходило и в Африке. От рынка дорога ближе к диктатуре, чем к демократии.

В.Ю. Попов: Правильно, убрали рынки, но не ЧОПы. Если бы убрали ЧОПы, я бы понял.

Э.А. Паин: Это детали.

В.Ю. Попов: Это не детали, а важнейшие вещи. Ничего они не убрали, убрали рынки, которые крышевали ЧОПы.

Э.А. Паин: Я вам хочу сказать, что произошла криминализация госкапиталистической и олигархической экономики, которая как раз подавляла свободу рынка. Никакой либерализации не было. Все зависимые от государства олигархические структуры никакого либерализма не поддерживают ни в экономическом ни в политическом плане. Наоборот, они очень быстро пресекают истоки либерализма тому, от кого они получают. Они готовы очень быстро перейти в верноподданнические системы правления. Потому либерализм снимается. Такой путь во всех странах и во все времена был путём к диктатуре, а не дорогой к рынку. Народ начинает требовать: хватит, надоела эта вседозволенность, хаос, криминал заел, уж лучше монополия государства. Происходит такой процесс, который ведёт к диктатуре. Поэтому новый либерализм выступает за свободу рынка, не сращённости, а борьбы с криминалом. Вто-

рое: новый либерализм выполняет экологические задачи. Все либеральные течения выступают за экологическую чистоту.

С. Гарибян: Наблюдаются параллели между Россией и Советским Союзом. В СССР государственный аппарат опирался на рабочий класс, провозглашался лозунг «диктатуры пролетариата», все внешнеполитические действия были вызваны в интересах защиты рабочего класса...

Э.А. Паин: Лозунги были, а опираться он не опирался. Провозглашался.

С. Гарибян: А в России госаппарат выделил один большой русский этнос. И свою внешнюю политику Россия также проводит на этноконфессиональном факторе. Невольно появляется такая параллель, что если в СССР это был рабочий класс, то в России это русский этнос. Государственный аппарат популистски использует националистический дискурс, причём в самом аппарате сообщество полиэтничное. Например, Собянин нерусского происхождения, но этот ресурс тоже использует. Однако, социально-экономические проблемы не решаются. Есть ли у вас прогноз, что будет дальше, если все эти проблемы не решатся, как все это обернётся?

Э.А. Паин: Лозунги и реальность — это не одно и то же. Мобилизирующие лозунги могли меняться. Скажем, в арабском мире партия ФАТХ и многие партии в Сирии создавались как левые, потом все изменилось, они стали защищать мусульман. Слова меняются, а суть остаётся. Все примерно одно и то же. Когда вы говорите абстрактно: «рабочий класс», — это куда менее опасно, чем когда вы переходите к защите одной этнической общности. Потому что когда вы защищаете одну этническую общность, у других начинаются подозрения. В такой стране, как наша, это чрезвычайно опасно. Кто выскажется, кто нет, но все запоминается. Люди все фиксируют, все накапливают в исторической памяти. В разных группах историческая память имеет свои свойства. Как все это обернётся — я не знаю, не могу сказать. Пока могу сказать только то, что сказал. Во всех случаях перехода империй в этническую форму они подписывали себе смертный приговор. Когда это произойдёт, никто не знает. Когда я говорю *конец империи*, я не говорю, что географически она уменьшится и сожмётся. Речь идёт о типах устройства. Государство от имперского типа может перейти к федеративному. Речь идёт об изменении отношений между субъектами. Прямой связи между политическими устройствами и географией не существует. Поэтому разные этнические группы могут стать как индийская федерация, насколько они крепкие — не знаю.

М.Е. Трофимов: До этого говорили, что большой уровень ксенофобии в Москве, а в Америке большой уровень исламофобии. Вы говорите, что Россия — составное государство и таких государств много. Я неоднократно сталкивался с тем, что лица, осуждающие «понаехавших с Кавказа», очень часто являются жителями Подмосковья, с лицами кавказской национальности они никогда не встречались. У американцев тоже отношения с мусульманами часто такие, когда они их видят только по телевизору. А часто в многосоставных государствах типа Ирана или Эфиопии очень трудно провести границу. Возникает сам факт больших проблем реального территориального размежевания. Все в этом заинтересованы. В Европе — Бельгия, чтобы не развалилась, не понятно, как и где провести границу. В России существует административно-территориальное деление, но оно слабо развито, все перемешалось.

Э.А. Паин: Когда я говорю об изменении империи, я говорю о типе отношений, а не географии. То есть, прямой связи нет. У нас представления о мире очень поверхностны. Большую часть мусульман в Америке представляют коренные американцы, негры, которые принимали ислам в определённое время. А фактор исламофобии — это фактор событий 11 сентября 2001 года, и ничего с этим не поделаешь. Они не совсем уж такие дураки, они там все различают. Нерациональное изменение субъектов федерации существует в большинстве субъектов федерации. При нынешней организации экономики оно просто фатально, поскольку регионов-доноров у нас раз-два, и обчёлся. Но пока что существует незаинтересованность экономическая, психологическая, транспортная, любая. Все не готовы к изменению. Я ни-

когда не говорю о проблеме распада. Я не вижу набора аргументов для распада. Для изменения типа отношений — да. Они не просто есть — настоятельно появляется необходимость субъектности.

М.Е. Трофимов: А как вы думаете, у нас имперская организация или федеративная?

Э.А. Паин: У нас имперская организация. Последний закон в Думе об отмене выборов даже мэров — яркий тому пример.

В.Ю. Попов: И никто это не обсуждает, нет никакого гражданского понимания, все принималось под шумок.

В.П. Макаренко: Разрешите поблагодарить за предоставление пищи для ума, для обмена мнений, — это одна из основных целей нашей конференции.

Феномен сверхдержавки

В.Л. Иноземцев: Друзья, добрый день! Я сначала хотел сказать, что термин «сверхдержавка» я употребил лишь в одной статье. Видимо, коллегам он так понравился, что решили вынести этот термин на обсуждение. ещё в 2006 году многие российские политики, включая Путина, выступили с идеей: Россия должна стать энергетической сверхдержавой. В ответ на это в ныне не существующем журнале «Политический класс» я опубликовал статью...

В.П. Макаренко: Эта идея использовалась Коммунистической партией Китая в 1960-е годы для критики политики СССР и США одновременно. Обе страны обвинялись в гегемонизме. А до китайских коммунистов термин «сверхдержавка» использовался кем-то из французов, я забыл — кем.

В.Л. Иноземцев: В любом случае претензия России на роль энергетической сверхдержавы мне показалась настолько странной, что в ответ я написал статью «Энергетическая сверхдержавка». В ней я показал безнадёжность наших претензий в этой области. Затем термин понравился коллегам, и это вылилось в сегодняшнее обсуждение. Я попытаюсь развить эту тему и поговорить о внешней политике России с точки зрения военного, культурного и социального потенциалов и возможностей.

Моя основная идея состоит в том, что сегодня Россия не может вернуть себе тот статус, который существовал у Советского Союза как одного из центров мировой экономики и политики. Для такого заключения есть много оснований. Все они связаны с тем, что Россия наследовала те проблемы, которые были малозаметны в «великом» СССР. За последние десятилетия в мире прошло много изменений. Произошёл переход из количества в качество. Сегодня Россия стоит перед важными геополитическими вызовами. Я коснусь четырёх аспектов и начну с экономики.

Мы часто говорим, что Россия сегодня сидит на нефтяной игле, что это ужасно, что это продолжение советских традиций, что эти экономики неэффективны. На самом деле я должен сказать о двух моментах, которые являются нетипичными. Во-первых, не нужно приплетать СССР к проблемам экономики РФ. Здесь сидят студенты и преподаватели. Как вы думаете, сколько процентов нефти из добываемой в РФ продаётся за рубеж?

Первый голос: Сорок.

Второй голос: Шестьдесят.

В.Л. Иноземцев: Верно, 66%. А сколько продавалась нефти за рубеж в 1987 году в СССР?

Первый голос: Тридцать пять-сорок.

Второй голос: Восемнадцать.

В.Л. Иноземцев: Да, восемнадцать. Это означает, что за прошедшие годы мы стали не только страной, которая стала больше производить нефти, газа и других ресурсов. Мы стали страной, которая стала меньше потреблять. По сути дела, эффект от превращения нашей страны в энергетическую сверхдержаву — это обратная сторона нашей деиндустриализации,

общего экономического упадка. Как вы думаете, каков сегодня объем производства нефти и газа в РФ по отношению к 1990-му году?

Первый голос: Меньше.

Второй голос: Больше

В.Л. Иноземцев: Оба ответа принимаются. Разница в 2–4% в зависимости от года. У нас произошёл огромный провал в 1990-е годы и в начале 2000-х. Потом состоялся подъем и выход на уровень РСФСР. При этом, не давая оценок, я могу сказать, что уровень добычи в Казахстане повысился в 3,5 раза, в Азербайджане почти в 4, а в Катаре в 24 раза. Таков успех наших конкурентов за последние 20 лет. Сейчас мы экспортируем больше нефти и газа, поскольку у нас резко сократилось внутреннее потребление. Проблема экономики РФ в том, что мы являемся отраслевыми монопроизводителями, на экспорт сырья приходится 70–77% ВВП. Это очень много. С другой стороны, мы являемся не только моноотраслевыми, но и монорыночными с точки зрения того, что мы экспортируем все в одном направлении. Сегодня около 75% энергетического экспорта идёт на запад в Европу. Я имею в виду страны бывшего СССР, Украину, Белоруссию, а также Турцию. Наш экспорт на восток на порядок меньше.

Наша экономика примитивная, хотя я не говорю о том, что любая сырьевая экономика примитивная. Если мы посмотрим на объем и производительность труда в различных отраслях, то увидим, что энергетическая отрасль является одной из самых восприимчивых к НТР. Мы видим, как американцы на основе новых технологий вышли в лидеры по добыче газа и извлечению его из сланцевых пластов. Мы видим, как будут подниматься канадцы за счёт получения нефти из нефтеносных «тяжёлых» песков. Мы видим, что бразильцы бурят шельф на глубине 7000 метров, а мы не можем пробурить шельф на глубине 150 метров. Иначе говоря, энергетическая отрасль — это высокотехнологичная отрасль. Я не против, чтобы РФ строила свою идентичность на добыче полезных ископаемых. Проблема в том, чтобы эта отрасль вела экономику вперёд, она должна увеличиваться в объёмах. Мы фактически потеряли долю газа на мировом рынке. Мы потеряли и продолжаем терять долю нефти на мировом рынке.

По сути дела, мы должны наращивать производство, сделать энергетический сектор одним из главных, магнитом для инноваций. Но этого у нас нет. Мы должны понимать, что страна-лидер по добыче должна иметь огромный и разветвленный рынок сбыта. На мой взгляд, Россия имеет возможность сохранить позитивные и дружеские отношения с США и с Западной Европой. В этом случае она может стать важнейшим игроком на мировом рынке. Нам нужно стать единственным дружественным игроком на западном рынке, потому что все остальные территории — Средний Восток, Латинская Америка, Западная Африка — обладают негативно настроенными политическими режимами. На этом фоне РФ смотрится практически оптимальным для западного мира партнёром. Если не портить наши отношения со странами Запада, то на нашей энергетической составляющей экономики мы могли бы существовать многие десятилетия и быть успешными с точки зрения НТР и разделения труда. Многие люди говорят, что расцвет энергетической отрасли в РФ фактически произошёл в 2000-е годы — в плохой политической период, поскольку страны, обладающие большими ресурсами, всегда будут авторитарными диктатурами с отсталой системой социальных гарантий. Я с этим не согласен. Проблема в том, когда приходит ресурсное изобилие. Когда вы уже имеете успешную индустриальную экономику, вы можете это спокойно пережить. США до 1930–40-х годов были крупнейшим производителем нефти, это не мешало их инновационности. После нахождения запасов нефти на шельфе моря Великобритания тоже не потеряла свои качества демократической страны и успешного рыночного общества.

Как правило, проблемы такого рода возникают там, где рост сырьевых доходов приходится на период, когда страна переосмысливает свою политическую идентичность. Примерами могут быть Нигерия, Саудовская Аравия, Иран. РФ стоит в этой очереди. В 2000-е годы на Россию упал водопад нефтяных доходов. И мы сразу попытались найти некую «общую

идею». Повышение цен на нефть и увеличение нашей роли как энергетического поставщика совпали во времени с реанимацией идеи о возрождении «Великой России». Сегодня по сути Россия имеет имперскую идентичность, но она одновременно считает, что контроль над ресурсами может заменить эффективную экономику. Это — трагедия для России. Сегодня Россия является энергетической страной, одним из крупнейших поставщиков. Это надо развивать. Но мы не пытаемся развивать ни этот, ни какой-либо другой сектор. Проблема в том, что значительные нефтяные доходы не дают нам ни мотивов модернизировать энергетическую отрасль, ни мотивов поднимать предпринимательскую деятельность и более современные отрасли промышленности. Этот выбор — надолго. На данный момент мы сохраняем конкурентное преимущество, но не пытаемся преобразовать его в экономический рост по всему фронту. Именно поэтому таков первый момент: на этой базе стать реальной сверхдержавой мы не можем. Мы не пытаемся использовать данное преимущество для запуска естественного экономического развития. При такой политической системе и отсутствии экономической воли, присутствии класса, связанного с сырьём или распилом доходов, никакая модернизация в РФ невозможна,

Когда Медведев говорил о модернизации, я изначально был настроен исключительно скептически. Даже когда прокремлёвские политологи говорили о том, что нас ждёт либо модернизация, либо катастрофа, я говорил, что выбор есть, что ни модернизации, ни катастрофы не произойдёт потому, что модернизация происходит тогда, когда большинство населения понимает, что обратно пути нет и альтернативы нет. Но сегодня альтернатива есть: модернизация в условиях высоких нефтяных цен сознательно не проводится правящим классом. Специфика нашей экономики, доминирование представителей спецслужб в политическом управлении страной, способ связи этой доминанты с популизмом и методами управления показывает мне, что модернизация при существующем политическом режиме невозможна в принципе. В этих условиях Украина вполне может стать региональной «сверхдержавкой». А переход к реальному сверхдержавному состоянию экономики, как в Китае, невозможен.

Второй момент — военная составляющая. Советский Союз оставил России огромную военную машину и развитый ВПК. Мы унаследовали от СССР ощущение значимости военной силы. На деле современный мир быстро меняется. Возможности военной силы резко снижаются, поскольку исчезает сама возможность её использования. Посмотрите на США. Эта страна может послать войска в любую точку мира и уничтожить врага. США могут разгромить, но не могут обеспечить успех той повестки дня, которую они предлагают. Приведу пример. Британский историк Найэл Фергюсон в одной из книг описал войну Великобритании в Эфиопии в 1870-е годы. Тогда эфиопский император проявил агрессию к британским жителям в Эфиопии, применил к ним силу, взял их в заложники, отказался освободить, в результате Британия объявила войну Эфиопии. Через несколько месяцев высадился корпус Британской армии, пошёл на столицу, захватил её, погибло несколько заложников, остальные были освобождены. В боях погибло 12 тысяч эфиопских солдат. Сколько погибло англичан?

Голос: Сто пятьдесят.

В.Л. Иноземцев. Нет, всего четыре человека, но почему? Обычно отвечают, что у англичан были нарезные винтовки и пулемёты, а у эфиопов только луки. Нет, не поэтому.

Голос: Эфиопы разбежались?

В.Л. Иноземцев: Нет, эфиопы дрались смело. Дело в том, что высадившийся корпус был второй индийской армией. В ней было несколько британских офицеров, они и погибли. А в основном погибали индусы. Вопрос в том, что сегодня роль военной силы другая. С одной стороны, великие державы не могут действовать так, как раньше. Уровень безрассудства сопротивляющихся намного вырос. В XIX веке не было террористов-смертников. Британцы удерживали Ирак контингентом около 11 тысяч человек, и страна была спокойной и управляемой. А в 2004 году американцы не смогли стабилизировать Ирак контингентом в 260 тысяч человек. В XX веке Северная Корея победила при помощи СССР, но Вьетнам в том же

XX веке не покорился. Этого нельзя представить в войнах XIX века. Сегодня уничтожить малую страну можно, только угробив сотни тысяч людей. Во-первых, это крайне сложно, во-вторых, экономические затраты гораздо больше, чем польза от периферии. Поэтому сегодня мощной военной стране применять вооружённые силы в конфликтах крайне затруднительно. Созданный в СССР ядерный щит оказался практически бессмысленным. Невозможно предположить сценарий ядерного конфликта между СССР и какой-либо страной, разумеется, если боеголовку не запустит лидер Северной Кореи. Все остальное выходит за рамки разумного политического прогнозирования. В конфликте вам придётся доказывать мощь своих совокупных сил обеспеченности и так далее. Возьмём случай войны 2008 года в северной Грузии. Российские войска оказались далеко не на высоте. ещё раз повторю: если в современной политике страна желает глобального присутствия во всех точках земного шара, то это требует колоссальной инфраструктуры. Сегодня главным ресурсом для развёртывания вооружённых сил является мировой океан. Страна, которая не имеет военно-морского флота и баз базирования, на сверхдержавный статус претендовать не может. С точки зрения ядерного потенциала Россия формально является одной из крупных мировых держав. Но этот потенциал не придаёт стране сверхдержавный статус. Ведь ядерная мощь России не может быть использована ни для защиты, ни для приобретения союзников, как это происходило часто в XX веке. Наличие ядерных сил не обеспечивает глобального присутствия.

Существует также вопрос, связанный с социальными процессами. Сегодня мы говорим об имперской составляющей национального государства. Безусловно, на протяжении многих сотен лет страны, претендующие на сверхдержавность, имели имперскую составляющую. Сегодня имперская модель фактически уходит по одной причине: дело в том, что все успешные империи прошлого присоединяли и осваивали территории посредством выплеска собственного населения. Сегодня модель империи выглядит крайне устаревшей потому, что империи всегда предлагают возможность доминирующей военно-технологической нации обеспечивать выплеск собственного населения на глобальную периферию. Римская империя и европейские государства Нового времени предполагали соединение более высокого уровня жизни и технологических достижений с возможностью на протяжении нескольких сотен лет отправлять десятки тысяч граждан в новоосваиваемые территории, где они воспроизводили порядки, похожие на те, откуда они приходили. Это относится и к Российской империи. Империи были живы до тех пор, пока центр мог обеспечивать поток на периферию. Сегодня во всем мире тенденции сменились, мы видим обратную экономическую миграцию. Мировой Юг поставляет огромное количество населения в более развитые государства. Невозможно создавать евразийскую империю на постсоветском пространстве, если Россия не готова отправлять по несколько миллионов человек в Среднюю Азию. Россия же поступает наоборот: получает из Средней Азии колоссальный миграционный поток и в возрастающей степени зависит от ресурсов этого региона. Россия фактически есть страна-получатель. Она больше ресурсов тянет на себя, чем отдаёт. Поэтому в любом случае можно сказать, что имперская модель себя изжила.

Вопрос не в том, мощна ли сегодня Россия, вопрос в том, какие изменения затронули Россию за последние десятилетия. За это время экономическое доминирование стало более выгодным, чем военное, о чем я уже говорил. Экономическое доминирование транслируется через определённые стандарты и модели поведения, достойного образа жизни или престижного потребления. Все это называется «мягкой силой» и навязывается разным странам. Все это делает ситуацию такой, что в качестве сверхдержавы выступают те государства, которые могут либо обеспечивать собственное видимое экономическое присутствие во всем мире, либо обеспечивать имитирование определённых образов жизни и стандартов поведения, которые существуют у них самих. Россия ни с идеологической, ни с экономической, ни с социальной точек зрения не продуцирует тех матриц, которые могут копироваться другими госу-

дарствами мира. Идея «особого пути» России подтверждает, что мы не можем продуцировать то, что было бы в одинаковой степени привлекательно для всего мира.

В какой-то степени это есть защитная реакция, которая корнями уходит в исключительность и «особый путь России». Но сторонники «особого пути» не могут позволить себе такое определение в принципе, поскольку идея «особого пути» предполагает изучение чего-то другого. Если вы выбираете особый путь, то становитесь на путь развития Северной Кореи. Если же вы предлагаете какой-то путь для всего мира либо для большей его части, то вы имеете гораздо большее влияние на мировую политику, экономику и т. д. То есть, все, что я хотел сказать, сводится к тому, что Россия сегодня — это заметная региональная держава. И в этом отношении у нас возникает несколько серьёзных вопросов.

Первый вопрос о том, насколько регион, в котором находится наша держава, пригоден для жизни. За последние годы в мировой экономике и политике появилось много тенденций, я об этом уже упоминал. Но радикально изменилась структура глобальной экономики. Эта структура связана с тем, что за последние 50–60 лет стремительно сократилось значение территории, резко упало значение того, что называлось хартлендом — территорией в глубине континента. Хэлфорд Макиндер писал: кто владеет центром Евразии, тот владеет всем миром. Сегодня такое заявление ошибочно и ложно. Потому что те, кто углубился в этот центр, те закопались в нем навсегда. Потому что чисто статистически по расчётам 2004 года 62% всей мировой экономики сосредоточены в районах, отстоящих от морского побережья меньше, чем на 100 миль. То есть, идея постоянного коммуницирования и развития через морскую торговлю на сегодняшний день является абсолютно доминирующей идеей. И в этой связи гораздо лучше быть Китаем или Бразилией, чем Россией. С одной стороны, Россия фактически не имеет побережья, с другой стороны, находится не в той зоне, где находятся Китай или Бразилия, имея абсолютно идентичную экономику. Вообще, Россия и Бразилия очень похожие страны по объёму экономики. Бразилия более населённая страна, но там более низкий уровень душевого ВВП. По покупательной способности эти страны почти одинаковы, но Бразилия — абсолютно доминантная сила в Латинской Америке, а Россия — это довольно маргинальная территория между Китаем и Европой, которая гораздо меньше Китая и Европы по объёмам экономики и по масштабам возможностей. Будучи региональной державой, Россия объективно не может создать вокруг себя территории, которые будут сопоставимы с другими державами, действующими в этом регионе.

Второй момент — Россия не продуцирует смыслы, а они могут быть очень разными. Я привез книги, одна из них принадлежит молодому американскому исследователю Парагу Ханне. В ней изложена концепция нового первого мира. Раньше в классической политологии считалось, что США — это первый мир, СССР — второй, третий — развивающиеся страны. Сейчас Параг Ханна предложил новую концепцию, в которой страны первого мира — это США, ЕС, Китай, третий мир — это государства, которые ни на что не влияют, а второй мир — это государства, которые представляют собой державы второго уровня. Я абсолютно согласен с этим, и считаю, что Россия идеально вписывается в идею второго мира. Россия — это страна, которая ни по политическим, ни по военным параметрам не способна стать центром притяжения и главным игроком мировой экономики. Главными игроками являются США, Европа и Китай. Каждый из них имеет разный мотив привлекательности в мире. Это может быть индивидуалистско-политическая модель, как в США, или модель, основанная на уровне жизни и соблюдения норм, как в Европе, это может быть модель, основанная на выдающемся экономическом порыве и факторе силы, как Китай.

Так или иначе, все эти страны имеют возможность продуцирования и проецирования своей модели в мировом масштабе. Россия такими возможностями не обладает. Мы опять возвращаемся к темам, которые так или иначе поднимались в начале. В состав стран второго мира входят Россия, Япония, Индия, Мексика, Турция и многие другие крупные государства, которые не могут претендовать на лидерство в мире. Но роль этих стран — в том, чтобы

определить исход крупного соревнования, крупной конкуренции между странами первого мира. По сути дела, Россия сегодня — это некая гиря на чаше весов, которая может перевесить в пользу Европы либо в пользу Китая.

Я согласен с этой концепцией, но исход потенциальной борьбы между Китаем и западным миром не очевиден. В любом случае, сегодня Россия должна привыкнуть к роли, которая присуща ей сейчас, а не пытаться играть роль СССР-2

В заключение я хотел бы сказать следующее. Агрессия в отношении Украины у многих либералов оставляет впечатление, что Россия слетела с катушек. У меня же некоторые действия сегодняшней российской элиты вызывают ощущение, что эту ситуацию можно рассматривать в обратном ключе — как понимание того, что у элиты возникло чувство пределов её возможностей. Ведь сама идея «русского мира» является настолько частной, что не претендует даже на восстановление СССР, а покушается на некий передел границ между РФ и Украиной, РФ и Казахстаном, на пересмотр ситуации — есть ли такой субъект, как Белоруссия и т. д. В любом случае, есть претензия на усиление региональной роли. Россия не собирается воевать с НАТО, не собирается становиться в позу новой холодной войны, тем более — реальной войны с США. Наша политическая элита понимает, что борьба с Китаем невозможна. То есть, в данной ситуации речь идёт о попытке развития примитивной доктрины «русского мира». На мой взгляд, складывается ощущение, что Россия успокаивается в пределах своей зоны влияния.

В заключение я хочу прокомментировать вопросы по поводу Китая и Европы. Сегодня говорят о том, что мы хотим отвернуться от Европы. Мы должны понимать, что это обойдётся нам дороже, чем Европе. Безусловно, у европейцев существует энергетическая зависимость от России. Никто не отменял того факта, что 30% газа Европа получает из России. Проблема заключается лишь в том, что за два года мы не успеем построить все трубопроводы, которые строились во время СССР. Необходим огромный объём поворота на Восток, но сильно повернуть мы не сможем. Мы не можем сейчас производить больше нефти и газа, чем производим. Чтобы повернуть потоки, добываемые в Западной Сибири, на Восток, нужны невероятно значительные финансовые затраты и достаточно большой промежуток времени. Я хочу подчеркнуть что финансовые затраты не являются определяющими. Давайте глянем на цифры.

Мы экспортируем нефти и газа чуть меньше, чем на 400 миллиардов долларов в год. Полная переноска всех нефте- и газопроводов на Восток никогда не будет стоить дороже 100 миллиардов, т. е. это всего лишь четверть годового объёма экспорта. Технически мы это можем сделать, но возникают две проблемы: мы тратим время; мы должны принимать реалии энергетического рынка. Тут есть два момента.

Первый момент: этот рынок заполнен, и заполнен он всегда. Когда мы говорим: давайте перебросим наш газ на китайский рынок — мы должны говорить несколько иначе: давайте мы выгоним кого-то с китайского рынка и перебросим туда наш газ и нефть. Это будет нелегко, потому что китайцы сейчас напиваются нефтью из Саудовской Аравии, из Нигерии и многих африканских стран, где они имеют серьёзное военное и экономическое присутствие. Прогнать их с рынка будет сложно, т. к. у этих стран есть гораздо больше возможности снижения цен, чем у РФ. То есть, если мы захотим выжить Саудовскую Аравию с рынка Китая, думаю, что саудиты легко будут поставлять нефть по 60–65 долларов.

Второй момент тоже очевиден: объём нефтяного рынка растёт на полпроцента в год. Поэтому можно ли говорить, что рынок поглотит всю эту нефть? Можно с одним условием: если мы действительно сможем выдавить саудитов и нигерийцев с китайского рынка (к чему мы стремимся), то эта нефть никуда не денется, эти скважины не законсервируются. И их танкеры так же легко пойдут в Европу. Поэтому абсолютно не стоит вопрос о том, что, перебросив потоки, мы навредим европейцам. Фактически это как маятниковые часы: если здесь мы освободим Китай, то саудиты придут к европейцам, и они не особо почувствуют разницу.

Может, только покажут, что газ там может подорожать, потому что сланцевый газ из Америки и сжиженный газ из Аравии существенно дороже российского. Если ставить вопрос о том, может ли Европа в течение четырёх лет заместить российский газ альтернативным, то это будет стоить приблизительно дороже на 120 долларов за тысячу кубометров от предыдущей цены.

Опять вернёмся назад и посмотрим уровень потребления в Европе и объем экспорта, который идёт из России, — порядка 145 миллиардов кубометров в год. Если мы увидим на этом объёме повышение на один доллар, то это составит 145 млн, если на 100, то это 10 млрд евро. Эта сумма составляет меньше 0,1% от ВВП Евросоюза, то есть, полные издержки по освобождению от российской нефтяной-энергетической зависимости — меньше стоимости одного транша для спасения Греции. Короче говоря, против нашего лома есть приёмы. В данном случае могут даже не почувствовать масштаб удара, хотя это может быть мощным политическим шоком. Это потребует переноса энергоструктуры, реальная адаптация к новым ценам и поставкам будет дороже, но все равно несопоставимой ни с какими процессами, связанными с кризисом 2008 года, когда ВВП в Европе падал на несколько процентов. То есть, это разложенное на несколько лет будущее замедлит темпы роста, создаст определённые сложности, но эти сложности гораздо лучше для Европы, чем потери 0,2–0,3% ВВП.

В любом случае это не катастрофа. Чтобы понимать масштабы энергетики во всем мире, допустим, в Европе и Америке, я всегда привожу один простой пример: накануне резкого повышения цен на нефть в 1973-м году общий объем потребляемой нефти и газа в США составлял 5% ВВП, в Европе он составлял порядка 7%. Сегодня цены возросли в десятки раз, потребление в Европе нефти и газа — 4% ВВП, в США — 4,8% ВВП. Несмотря на общий рост цен, доля расходов ВВП на энергетику снижаются — таков главный тренд. В 1990-е годы был резкий провал на рынке нефти, цены на ресурсы падали уверенно всю вторую половину 1990-х. И многие западные исследователи говорили о том, что именно переход к информационному обществу, постиндустриальной экономике вызывает то, что цены на нефть будут постоянно падать, потому что потребность в этом энергоресурсе будет резко снижаться. На самом деле сегодня мы видим абсолютно другую тенденцию. Но я бы объяснил это совершенно с другой стороны.

Указанные тренды (усиление постиндустриального общества, увеличение информационной составляющей экономики) приводят к тому, что цены на нефть будут бесконечно расти, а кризиса в экономике на Западе не будет. По сути, экономика настолько сильно независима сегодня от нефти, что она не чувствует увеличения цены. Да, мы повысили её в пять раз с начала 2000-х годов. Ну и что? — отвечает западная экономика; доход от финансовых операций в Америке больше; цены выросли в пять раз, потом ещё вдвое, — и что? Это говорит о том, что экономического кризиса не случится.

Ещё раз вернусь назад. Сегодня Россия в экономическом плане имеет шансы развиваться даже в рамках присущей ей энергетической сырьевой базы. На мой взгляд, в рамках этой специализации можно достаточно активно развиваться, а можно и уйти. В любом случае, сама по себе зависимость от нефти и газа не является приговором, это просто некое состояние, в котором мы сейчас находимся.

Второй момент: сегодня, безусловно, развитие военного потенциала России проходит непродуктивно, он не увеличивает нашего влияния в мире и не меняет ситуации. Сегодня даже такие реалисты в политической сфере, как Сергей Александрович Караганов, не устают повторять: в последние годы Россия переживала самые безопасные периоды своей истории, потому что никто из серьёзных мировых держав не собирался на неё нападать и сейчас не собирается. Поэтому мне кажется, что сегодня развитие оборонного потенциала, а также все разговоры о возрождении империи и некой глобальной роли, — все эти попытки лежат глубоко за пределами наших возможностей.

Общий вывод таков: Россия — это региональная держава, она начинает самоопределяться сейчас именно как региональная держава, как крупное национальное государство. Плюс к этому два самых важных вопроса к России на будущие двадцать лет: будет ли она совершенствоваться в рамках сырьевой экономики либо попытается как-то выйти из этого варианта? Второй вопрос заключается в геополитической ориентации: будет ли она ориентироваться больше на Север или попытается повернуть на Юг? Эти два вопроса мы с вами решить не можем, ответ покажут события после 2020 года. До этого я не вижу никаких возможностей коренного слома тенденций.

Вопрос: Вы говорили о том, сколько потеряет Европа при переориентации, а Россия?

В.Л. Иноземцев: Россия потеряет следующим образом: это будет зависеть от очевидных и неочевидных факторов. Очевидный фактор: если мы переориентируемся на Китай, то в Китае цены на газ ниже европейских примерно в полтора раза. И у них нет оснований увеличивать цены, потому что китайцы сейчас активно идут на газовые поставки из Центральной Азии, в первую очередь — из Туркмении. Мы потеряем приблизительно треть выручки по газу, но по этому поводу я хотел сказать, что у меня есть статья 2009 года. Я посмотрел на выступления Путина с 2006 по 2009 год на переговорах с главами иностранных государств. В 86% случаев этих переговоров Владимир Владимирович говорил только о газе. Меня удивило, что человек говорит только о газе, хотя газ составляет в экспорте РФ всего 14%. Даже если мы потеряем треть выручки от газа, мы потеряем в сумме 5%, что по большому счёту не критично. По нефти таких проблем не будет, потому что если мы сумеем обеспечить прирост всего объёма нефти на восточном тихоокеанском бассейне, то в значительной мере она, скорее всего, там и разойдётся. Её можно будет продать Японии, Южной Корее, Сингапуру, которые являются большими ценителями нефти. Поэтому я думаю, здесь вопрос о том, насколько это будет для нас болезненно.

Мы будем терять максимум по 30–50 миллиардов долларов в год на экспорте. С другой стороны, если нет другой альтернативы, то сойдёт и это. Но опять-таки, я считаю, что если это делать, то ориентируясь не на Китай. Китай имеет весьма особую энергетическую стратегию. Когда мы говорим, что построим трубопровод из Сибири в Китай, то почему-то никто из наших теоретиков этой постройки не задумывался о том, что туркмены не строили газопровод в Китай — китайцы сами, за свой счёт построили эту трубу, так как были заинтересованы в поставках топлива. Он ведёт от туркменских месторождений на запад Китая и принадлежит китайцам, туркмены только закачивают газ. Чем плохо? Поэтому если ситуация сложится безвыходная, надо ориентироваться на то, что наши восточные партнёры занимаются самовывозом. Условно говоря, нет ничего страшного в том, что не мы распилим очередной бюджет, а китайцы построят газопровод от западного Китая в Сибирь. Пусть строят, что в этом страшного, пока нет альтернативы нашему?

Хочу ещё раз сказать, что поворот на Восток технически возможен. Если стоит задача в течение четырёх лет перебросить потоки на Восток, то потери будут для нас минус 2% ВВП, для европейцев — минус 0,2%, условно говоря, что более-менее соответствует объёму экономики.

Вопрос: Вы очень аргументированно определили, что шансов для России стать сверхдержавой на сегодняшний момент нет и в ближайшей перспективе они не появятся. Но если рассматривать иную перспективу: есть звезды-империи и их «чёрные дыры», поскольку мы экспортируем не образцы для подражания, а образцы для отрицания. Свежий пример — технология «вежливых зелёных человечков», как некоторые говорят. Если эту технологию мы применяем в связи с нежеланием Запада ввязываться в какие-либо локальные конфликты, если мы соединяем это нежелание, неготовность Запада к ведению локальных войн с нашей технологией, которая может быть в определённых регионах мира востребована — тот же самый Иран, Корея, Северная Корея имеются в виду... Не получается ли здесь вполне опре-

делённая перспектива? Естественно, она оценивается как негативная, но нет ли здесь определённого исторического вызова?

В.Л. Иноземцев: Есть, но негативный опыт не очень экспортируемый. Северная Корея — классический пример применения советского негативного опыта, но распространения его мы не видим. Никто не пытается его перенять, и мнение Пхеньяна до Сеула не доходит. Поэтому вряд ли мы можем быть экспортёром негативного опыта типа технологии зелёных человечков. Ещё раз повторю: мы — крупная региональная держава, я допускаю даже такой катастрофический сценарий, что «зелёные человечки» из территории в Крыму могут дойти до Львова, но не дальше. В качестве катастрофического сценария я допускаю восстановление территории СССР за счёт Украины и Белоруссии. Например, я уверен процентов на 90%, что Россия до конца года получит Донбасс и Луганскую область — к большому для себя сожалению. Но она буквально может получить — и Запад опять на это не ответит ничем серьёзным — и Караганду с Северным Казахстаном.

Голос: Исключено...

В.Л. Иноземцев: Не исключено. Конечно, там есть китайский фактор и многие другие. Частичная экспансия России на Запад через Белоруссию и Украину возможна, но наши возможности экспансии ограничены. Есть граница НАТО и ЕС, которую мы не перейдём, потому что это глобальный конфликт. Украину можно сдать в конце концов, но дальше стоит жёсткий сценарий. И мы сами понимаем, что нам туда не надо, потому что у нас есть идея возрождения «русского мира» и идея новой оккупации Польши. Это разные идеи, в первом случае — народ готов, во втором — народ не поймёт.

Голос: Польшу не надо...

В.Л. Иноземцев: Да, Польшу не надо, каждый из вариантов очень беспокоен, поэтому...

Голос: Казахстан полностью исключается...

В.Л. Иноземцев: Я думаю, Восток полностью не исключается, но что нам может дать присоединение Белоруссии — в голове не укладывается. Конечно, в сфере экспорта технологий можно дружить с Ираном и Венесуэлой. Но в любом случае я не вижу практического выхода нашей дружбы с Чавесом. Вообще, в чем результат таких внешнеполитических акций, когда Россия кому-то даёт денег на оружие, кому-то поднимает промышленность, и тому подобное? Что мы можем получить? Или просто надеемся, что в Иране ещё несколько лет просуществует этот режим, который не очень стабилен и предугадать невозможно, когда он рухнет? Но в чем наша близость отношений? В том, что наши политические векторы несколько сходятся? Однако ведь экономические интересы России и Ирана абсолютно разные, мы конкуренты на одном и том же узком рынке. По крайней мере, определённые моменты культурной близости не перевелись в экономическую составляющую. Иран — это абсолютно клерикальное государство, но экономическая целесообразность в нём чувствуется. По законам ислама нельзя есть чёрную икру — осётр как бы не рыба, есть его — не для правоверных. Но после Исламской революции США и Европа наложили санкции на иранский экспорт. И аятоллы даже издали специальную фетву, разрешавшую кушать икру, так как её нужно было куда-то сбывать, и уж Аллах, наверное, не разгневался. То же самое произойдёт в России, когда ей нужно будет продавать нефть на внутреннем рынке.

Вопрос: В свете последних событий как вы оцениваете возможность пересмотра на Западе отношения к жёсткой силе? Вы подробно говорили про Европу, а какое отношение в США к жёсткой силе? Не только в плане наращивания военных расходов, но и пересмотра послевоенных границ, пересмотра статусов региональных держав и так далее.

В.Л. Иноземцев: Я думаю, эта вероятность не очень велика. Начну с пересмотра границ. Если серьёзно подходить к вопросу, то эти границы постоянно пересматриваются. По мере расширения ЕС и НАТО де факто пересматривались границы зоны влияния. Зона влияния сдвигалась к Востоку. По сути, то, что мы видим сегодня на Украине, — это конфликт

между последним расширением зоны влияния в сторону российских границ. Пересмотр этих двух систем фактически происходит давно. Что касается того, готов ли Запад применять силу по этапам, я думаю, здесь есть два момента. Во-первых, конфликты в Югославии прекрасно показали, что даже при высокой степени эскалации конфликта, Запад не готов применить силу. Сребреница была не Славянском, и все равно сила не применялась. То есть, масштаб конфликта и потенциального урона должен быть очень высок, чтобы применилась сила. С другой стороны, Россия стоит на востоке от этих территорий. В Европе существует боязнь открытых границ с непредсказуемой Россией. Поэтому, я думаю, что здесь порог входа будет ещё более закрыт.

Теперь о военных расходах. Сегодня Соединённые Штаты и Европейский союз тратят ежегодно на военные расходы порядка триллиона долларов. Причём, одни американцы потратили в Ираке больше триллиона. Дополнительных трат намного больше. В Афганистане США потратили порядка 400 миллиардов, а получили, по большому счёту, шпик, то есть, ничего не получилось. Ни демократизации Ирака, ни европеизации Афганистана, ни стабильных режимов там не возникло. А что сделали европейцы за последние двадцать лет? Они увеличили членство в Евросоюзе с 12 до 28. По сути дела, сегодня Венгрия, хотя там власть националистов, — гораздо более управляемая территория, чем Ирак, который так исполнительно контролируют американцы. Поэтому мне кажется, что европейская модель медленно-го продвижения гораздо эффективнее для утверждения демократии и стабильности.

Но здесь возникает вопрос: что даёт армия для продвижения Европы на Восток? На мой взгляд, ничего. Потому что если сейчас европейцы обсуждают, дать ли Украине 2 миллиарда евро на фоне расходов в триллион долларов, это выглядит для меня смешно. Потому что на самом деле сегодня гораздо более разумно сохранить военные расходы на 10%, вкачать на продвижение конкретно Украины 200 миллиардов и сделать её процветающей страной, на которую Россия будет долго облизываться. Это то, что можно было бы сделать за 10–15 лет без всякой военной агрессии. Что будет гораздо более плодотворным, и что гораздо сильнее щёлкнет Россию по носу, чем любые военные операции в Донецке.

Вопрос: А почему Европа этого не делает?

В.Л. Иноземцев: Это хороший вопрос. Я думаю, что в принципе период прорывных политических идей и стратегически мыслящих лидеров ушёл в прошлое. Сегодня очень много решений принимается в чисто техническом порядке. Можно ли это сделать? Я говорю европейцам другую вещь. Послушайте, друзья! Есть гораздо более простой вариант приручить Украину, сегодня мы уже фактически касались этого вопроса. Посмотрим на самое интересное. Допустим, Польша — успешная страна. Польша имеет сегодня накопленных иностранных инвестиций порядка 130 миллиардов долларов в кармане. То есть, хорошая мощная иностранная инвестиция. Из этих 130 миллиардов почти половина, 56 миллиардов, пришло в Польшу между 1996 и 2004 годом. Что произошло в этот период? В конце 1996 года Европейский Совет принял решение о том, что Польша вступит в ЕС в 2004 году. За эти 7 лет частные инвесторы принесли в Польшу 56 миллиардов долларов. В принципе ответ такой: друзья, вам не надо находить деньги на Украине. Объявите, что к 2020 году Украина будет членом Европейского Союза, и деньги тогда потекут сами. И я даже скажу, откуда — из России, в первую очередь. Потому что гораздо лучше бежать от нынешней власти на Украину, покупать дешёвые активы, вести бизнес в привычной среде, говоря на русском языке, и понимать при этом, что через 7–8 лет твоя компания будет европейской, границ не будет, ты будешь с европейским паспортом, и дети твои будут европейцами. Я думаю, что не 50 миллиардов, которые уходят из России за квартал, а все 200 придут на Украину за год или два, в случае, если европейцы действительно пообещают приём и выполнят условия. Причём, в первую очередь побегут из Москвы.

В этом отношении, я считаю, что поднять Украину и интегрировать её в Европу — это чисто техническая проблема. Но есть масса вариантов, как это сделать. Вопрос в политиче-

ской воле, которой в Европе сегодня нет. И это тоже вопрос о том, что даже более успешные сверхдержавы сегодня совершенно не озабочены тем, чтобы экстраполировать свои возможности, свои собственные пределы. Давайте на этом и остановлюсь.

Вопрос: Ваш доклад понравился, но вызвал вопросы. Все познаётся в сравнении. Если сравнивать Россию с Соединёнными Штатами, естественно, ни о каком статусе сверхдержавы речи нет. Вы отметили три характерных признака любой сверхдержавы: глобальная экономическая мощь, в условиях, в которых все страны в мире заинтересованы в экономическом развитии данной страны; военная мощь, которая может быть применена в любой точке мира; культурная притягательность страны. С этой точки зрения сейчас в мире, кроме Соединённых Штатов, сверхдержавы нет в принципе. Потому что Китай не обладает глобальной военной мощью, его сила может выражаться исключительно внутри границ. Я сильно сомневаюсь, что Китай рискнёт свою военную мощь проверять даже в отношении Тайваня и спорных островов. При этом Китай никак не является моделью для поведения и подражания для других стран. С другой стороны, если сравнивать Россию с Бразилией, то статус абсолютно другой. Россия намного сильнее Бразилии в военном отношении и имеет более серьёзные рычаги влияния в политическом плане. Вопрос такой: вам не кажется, что вообще словечко «сверхдержава» и «статус сверхдержавы» в настоящее время окончательно уходит в прошлое?

В.Л. Иноземцев: Я не согласился бы с такой характеристикой Китая. Мы плохо знаем, что происходит в Китае и вокруг Китая. Конечно, Китай не обладает общемировой идеологической моделью, но он имеет разные методы влияния на внешний мир. Китай имеет самую большую в мире диаспору, и она расширяется и развивается. Это влияние Китая в мире существует давно и постоянно растёт. Что касается военной мощи Китая, Китай является второй по военным расходам державой в мире. Эти расходы тоже растут очень быстро. Есть очень хорошая книжка 2006 года, которая называется «The rivals» — «Соперники». Её написал Билл Эммотт, бывший главный редактор журнала «The Economist», до этого он был руководителем бюро «The Economist» в Гонконге. Это потрясающе интересная книжка по фактологии, которая показывает рост китайского влияния, количество китайских военных баз, так называемая концепция «нити жемчуга», когда они ставят базы по всему океану в окружении Индии, когда существует уже военный союз между Индией и Японией, о чём мы не любим говорить, против Китая. По сути дела, китайцев начинают бояться именно потому, что они становятся сильными в военном отношении. Многие западные и американские исследователи сейчас привлекают внимание к тому, что Китай повторяет ошибки Германии начала Первой Мировой войны. Тот же Лютман пишет, что если бы они не строили сейчас ПВО, было бы гораздо больше безопасности. Но реально экспансия Китая идёт, и при Си Цзиньпине она объективно приобретает ещё больший градус. Поэтому я считаю, что у Китая есть определённый статус сверхдержавы параллельно с Соединёнными Штатами и Европой. Это уже не региональная страна.

Э.А. Паин: Я готов съесть свою шляпу публично, если Россия введёт свои войска в Казахстан или Белоруссию, потому что мы исходим из того, что действия наших властей рациональны. Трудно предположить, что из рациональных побуждений Россия будет терять единственных своих более-менее надёжных союзников по Евросоюзу и по Таможенному союзу. К тому же Казахстан — настолько важная часть для Китая, что просто об этом даже говорить нечего. Глобальная мощь Китая есть, и она растёт. Через Казахстан проходят дороги, которые Китай строит в Афганистане и Ираке. Китай только в этом и прошлом году вносил огромные деньги в концессии по добыче нефти в Казахстане, там много новых месторождений, построен китайский нефтепровод, который их соединяет, капиталовложения огромные, это был бы настолько удар по Китаю, даже говорить не о чем, это все понимают.

В.Л. Иноземцев: Я с этим согласен, но если в Белоруссии вспыхнет Майдан...

Э.А. Паин: Там никого Майдана в ближайшие годы не будет. Вчера выступал Лукашенко и сказал: «Я никогда не был туалетной бумагой». На это у Беларуси есть ещё более эффективные решения, чем у России. Но я не об этом. Я полностью солидарен и разделяю всё, что вы сказали, считаю это убедительным. Однако хочу обсудить ваше предположение о том, что российская власть уже осознаёт себя региональной сверхдержавой. Даже если она и осознаёт, то вряд ли сможет реализовать эту идею, поскольку является зависимой и прикормленной идеей империи. Эта идея вброшена в массовое сознание, она дала результат. Это единственная стратегическая идея, которая меняет образ бесперспективности хоть на что-то. Об идее империи бубнят во все бубны: мы будем расширять земли и так далее. Массовое давление и вся опора идейная основана на том, что мы — сверхдержава. Выступал американский президент и назвал Россию региональной державой, это вызвало бучу негодований. Я думаю, эта идея будет поддерживаться и подкармливаться. Вчера я говорил, что у нас сказочная политика и сказочная терапия, когда одновременно реализуются несбыточные вещи. Идеи «особого пути» и «имперскости» взаимно исключают друг друга. Но в нашей политике они подаются — и никого это не волнует. Что касается Европы, то Россия не даёт Европе быть рациональной и сбрасывать расходы на вооружение и наоборот: именно сегодня НАТО ощутило смысл своего существования, министр обороны Швейцарии говорит о необходимости выделить деньги на военку. Где Швейцария, а где Россия? Однако же есть повод. Вся военно-бюрократическая структура Европы воспряла духом, и она не позволит сократить ни копеечки, наоборот, вытребует дополнительные расходы.

В.П. Макаренко: Тут затеялся разговор о региональной сверхдержаве, и у меня возник вопрос, связанный с книгами конкретного автора. Сергей Хрущев о своем отце написал несколько книг. В одной из них он рассматривает ситуацию, сложившуюся перед Карибским кризисом 1962 года. Он обеляет отца, считает правильным, что Хрущев не дал объединиться Германии ещё в 1960-е гг. Какую аргументацию высказывает Сергей Хрущев? Он пишет, что перед Россией уже тогда возникла перспектива стать страной обширной, но малозначительной. Если Россия даст объединиться Германии, то она (Россия) превратится даже не в региональную державу, а её статус падёт ещё ниже. Как вы думаете, сын Сергей модернизирует взгляды папаша Никиты или делает ошибку ретроспективы? Когда оценку ситуации 1960-х годов он переносит в сегодняшнюю ситуацию или же он высказывает точки зрения тогдашних аналитиков советского Генштаба или пересказывает взгляды ЦРУ? Какие из этих факторов сыграли роль, чтобы сын таким образом обосновывал свою позитивную оценку отца?

В.Л. Иноземцев: Я думаю, это, скорее всего, очень сильная инверсия от нынешнего положения дел. Я не думаю, что тогда могли приводить такие аргументы.

В.П. Макаренко: Значит, Сергей Хрущев делает ошибку ретроспективы...

В.Л. Иноземцев: Тогда реально шла холодная война, и потому идея воссоединения Восточной и Западной Германий не вписывалась в реалии.

В.Ю. Попов: В самой Германии эта идея была непопулярна.

Голос: Никита Хрущев в жизни не высказал бы такой крамольной идеи, даже близко.

В.П. Макаренко: Тогда ещё один вопрос. Если взять историю СССР, то вырисовывается некая цепь событий, вплоть до настоящего момента. В современной историографии показано, что кризис 1927 г. в истории СССР был спровоцирован кликой Сталина, а не угрозой войны СССР со стороны капиталистических стран, как утверждалось в советской официальной историографии. Сталин создал такую ситуацию в стране сознательно, для укрепления своей личной власти и закрепощения крестьян. Второй принципиальный момент: ситуация «Если завтра война» и пакт СССР-Германия тоже были созданы сознательно, поскольку способствовали развязыванию Второй мировой войны, одним из «поджигателей» (я беру слово «поджигатели» в кавычки не только для дистанцирования от советской политики квалификации событий, но и от массового искусства типа романа Н. Шпанова «Поджигатели») которой был СССР. Теперь скажу о событиях рубежа 1950–60 годов. Здесь я опираюсь на работы

известного дипломата-писателя Олега Гриневского. Он описывает эти события и говорит, что Хрущев пытался исключить влияние ВПК и КГБ на экономику. Но во властно-управленческом аппарате возникла «подковёрная оппозиция» официальной политике мирного сосуществования государств с различным социальным строем. В конечном счёте эта политика была торпедирована изнутри СССР, а не извне, как утверждала советская историография. Короче говоря, вырисовывается такая цепь событий, когда СССР, а вслед за ним Россия провоцировали такие ситуации, которые создавали обстановку, ведущую к войне и крайне отрицательным последствиям для всего мира. Можно ли эту цепь событий использовать как схему для анализа сегодняшней ситуации в системе «Россия-Украина»?

В.Л. Иноземцев: Нельзя, потому что действия советской элиты и мотивы действия российской элиты несопоставимы.

В.Ю. Попов: Есть ещё один важный момент. Недавно опубликованы мемуары Дэвида Рокфеллера. Другая его книга о Хрущеве, написанная совместно с Генри Киссинджером, пока не переведена. Хрущев очень их впечатлил, но как? В опубликованной книге есть небольшой фрагмент о встрече и кусок стенограммы этой встречи. Рокфеллер пишет, что в переговорах даже на самом высоком уровне Хрущев не был в состоянии говорить о деле. Именно так его характеризует Рокфеллер. При обсуждении реальных проблем Хрущев говорил лозунгами. Одна из проблем нашей сегодняшней дискуссии — определить деятельность разных сторон как рациональную или нерациональную, во многом истеричную, реагирующую ситуационно на обстоятельства. В этом смысле нельзя надеяться ни на «рациональный Запад», ни на Путина, потому что, с моей точки зрения, его действия объясняются всего лишь испугом, который ощутили в момент протестов в РФ. К тому же экономические форумы, которые проводятся в Ярославле, были абсолютно интеграционными с Западом. На них высказывались абсолютно другие идеи, нежели те, что возобладали сегодня. Возникает вопрос: какую позицию должны занимать интеллектуалы?

В.П. Макаренко: Какую хочешь, такую и занимай.

В.Ю. Попов: Секунду, Виктор Павлович! Здесь Владислав Леонидович высказал очень важную мысль: Россия ощутила пределы своей экспансии и влияния. Но когда мы видим идеологическую накачку, возникает ощущение, что пределов нет. В информационном поле не обсуждаются и даже не указываются рациональные аргументы о возможной дальнейшей деятельности России в мире. Почти не озвучены какие-либо действительные показатели аргументов на тему: почему и зачем нам нужен или не нужен Крым или Донбасс? В основном высказываются эмоциональные суждения. Нам не хватает трезвых расчётов экономистов, в данном информационном поле их фактически нет. Есть эмоциональные маркеры, вытащенные из чуланов пятидесятилетней давности типа «бандеровцев». А выселение людей с бывших оккупированных территорий людей при этом не рассматривается. Взамен придуман идеологический термин «бандеровцы». При этом упускается из виду, что Бандера почти всю войну просидел в нацистском лагере. Мне кажется, интеллектуалов надо вывести из-под огня идеологических маркеров. Какой вы видите возможный путь для вывода сегодняшних экономических и политических аналитиков из зоны идеологических маркеров?

Голос: Можно говорить лозунгами и быть рациональным человеком, можно говорить матом и быть рациональным человеком...

В.Ю. Попов: Значит, можно обманывать людей и быть рациональным человеком?

Э.А. Паин: Это все речевые обороты. Хрущев во время Карибского кризиса собрал политбюро и сказал: «Товарищи! Дело Ленина и Сталина под угрозой». Это был очень рациональный лозунг. Кстати, Хрущев в Карибском кризисе много чего выиграл. Так что сам по себе характер речевых оборотов ни о чём не говорит. Лозунги — не маркеры и не индикаторы рациональности.

В.П. Макаренко: С одним дополнением: если мы считаем военную силу главной целью государства — тогда рационально, если нет — то нерационально.

Э.А. Паин: Ну, хорошо, вопрос был задан — я на него ответил.

В.Л. Иноземцев: Я в данном случае вижу только один-единственный вариант: сама позиция любого человека, который не поддерживает эту политику, уже выводит его за рамки дискуссий, каким должен быть интеллектуал и кто должен нагнетать эту ситуацию?

В.Ю. Попов: Как выйти из неё?

В.Л. Иноземцев: Как выйти из неё? Вы можете сменить дискурс. Допустим, вам говорят, что мы должны защищать население в Донбассе. В ответ вы можете сказать: да, нужно, но посмотрите на статьи и на форумы, в которых утверждается, что безумно пытаться присоединить Донбасс к РФ. С другой стороны, если вы хотите защищать интересы русскоязычного населения или русских, которые живут в Украине... Я не говорю, что украинская политика — белая и пушистая; да, они могут нарушать права русскоязычных.

Голос: Но не больше, чем русских в Татарстане.

В.Л. Иноземцев: Если мы сравним ситуацию в Средней Азии и Латвии: сколько русских уезжает из Средней Азии до сих пор и сколько русских уехало из Латвии? В статистике мы видим, что в процентном соотношении русских в Латвии осталось столько же, сколько и было в конце 1970-х годов, тогда как в Средней Азии оно понизилось в 4–5 раз. Если вы хотите спасти русскоязычную часть населения в Восточной Украине, объявите программу переселения и помощи: «Пожалуйста, дорогие русскоязычные граждане Украины, а также те, кто недоволен нынешним правительством Украины! Приезжайте в Воронежскую область и получите 20000 долларов подъёмных». Если мы сейчас готовы потратить миллиарды долларов на русских в Крыму, то почему мы не готовы потратить те же миллиарды на данную программу? Вытащите из украинской экономики миллионы русских.

Э.А. Паин: Они контрпродуктивны. Потому что сам вопрос неверен. Что такое рациональность? С каких позиций вы оцениваете рациональность? Действительно, если вы можете русским из Донбасса, Луганска и Харькова переселиться в Россию, то мы частично решим реальную проблему обезлюдения российских территорий. Я вчера вам показывал карты, сколько мы ежегодно теряем территории. Казалось бы, все рационально, но! Даже приток русских мигрантов не воспринимается обществом позитивно. На этот счёт есть специальные взгляды, я не буду о них рассуждать. А уж политический выигрыш, который получила сегодня власть, присоединив Крым, безусловно выше, чем если к нам приедут какие-то там миллионы. Да кто это заметит? Политически это совершенно несопоставимые вещи. Поэтому Крым был отличным политическим вложением.

Голос: Для внутренней игры...

Э.А. Паин: За копейки получена огромная территория! И главное — популярность Путина взлетела до небес!

Голос: Но при этом Западную Украину потеряли. Лес рубят — щепки летят, что ли? Я не понимаю таких вещей. Отжали Крым, скоро отождмут университеты. Пока человечество не научилось соизмерять экономические, политические, психологические и культурные эффекты одновременно. Приходится поступать по старому: чего не доели, можно доспать...

В.П. Макаренко: Я хочу продолжить линию рассуждений, которая сейчас прозвучала. Р. Симонян несколько лет назад выпустил книгу «Россия и страны Балтии».

Э.А. Паин: Знаю, он в Институте социологии РАН заведует сектором стран Балтики.

В.П. Макаренко: Он проанализировал внешнюю политику России в отношении стран Балтии после 1991 г. и показал, что эта политика не имеет никакой поддержки среди русскоязычного населения этих стран. Если взять нынешнюю фразеологию российской пропаганды по отношению к Украине, то она практически на 100% совпадает с тем, что раньше говорилось в отношении стран Балтии. Такая бездарность удручает.

В.Л. Иноземцев: Я вот что ещё хотел сказать. Виктор Павлович сказал, что СССР создавал ситуации, приводившие к кризисам в мировой политике. Действительно, это было, но не всегда это было плохо. Можно вспомнить наши инициативы по разоружению и продвиже-

нию идеи мира во всем мире. Даже в брежневские времена эти идеи вызывали серьёзные волнения — тысячи людей выходили на демонстрации против американских военных баз. Меня поражает, что сегодня ничего подобного не происходит с европейской стороны. Сейчас Россия позиционируется как враг Европы, а Европа — как враг России. И европейцы ничего не делают, чтобы это исправить. Европейцы говорят: в Европе существует маленькая страна Мальта, в которой 350 тысяч жителей, и она входит в ЕС. И её язык является официальным языком Союза, наряду с парой десятков других. Сейчас в ЕС проживает 2 млн русских и ещё 4 млн имеют постоянный вид на жительство, так почему ЕС не объявить русский государственным языком ЕС?

В.Ю. Попов: И проблема будет снята?

В.Л. Иноземцев: Это ничего бы не потребовало, но эффект был бы убийственным. Следующий момент: российское руководство говорит, что мы хотим безвизового въезда, ЕС отвечает: у вас есть проблемы — непонятно кому выдаются паспорта, давайте примем декларацию. Ответ прост: дадим России безвизовый режим и примем в Шенген. Путин скажет: нет. А почему он это скажет? Потому что это означает потерю внутреннего суверенитета, он не сможет решать, кто въедет к нам, а кто нет. И таких уловок десятки, но они не хотят этого делать. Я считаю, проблема в том, чтобы Европа ушла от такого окостенения. Почему нет креативной политики?

Голос: Вначале вы говорили о трех сверхдержавах. Европа не сверхдержава, при всех наднациональных органах у неё нет единого органа управления, а значит единой креативной политики не может быть. В Европе существуют огромные внутренние противоречия, и они будут нарастать. Мне кажется, что отношения с РФ путаются искусственно. После этого вы сами привели несколько примеров, что Европа могла бы улучшить отношения с российским населением в обход российского государства. У Европы был замечательный шанс: люди думали, что проигравший в холодной войне СССР, как и проигравшая Германия, ожидал американской помощи, как и Япония. Но это как-то не предвидится.

Я думаю, важны не столько теории заговора, сколько вполне рациональные вещи. План Маршала мог быть после войны, когда только что закончилась война, и люди знали, что лучше вложить в мир, чем в войну. Тогда это понимали. Но после войны уже прошло более полувека. Все от этого отвыкли, сегодня действуют простые эгоизмы. Когда Грецию надо было отдать, то скрепя сердцем отдали. А тут какую-то Украину... Отдашь, потом она проиграет, потом разворуют, зачем ей давать, себе хуже будет. У меня друзья живут сейчас в Германии и звонят. По поводу вложений в Украину они с ужасом думают по поводу санкций, сразу считают, сколько надо будет им доплачивать за газ и электричество. Они только что с этой Украины уехали, но и копейки не хотят давать, чтобы их правительство вложило в Украину. Потому что им от этого будет хуже.

В.П. Макаренко: В заключение предлагаю присутствующим студентам и аспирантам политологам поразмыслить вот о чем. Вчера вы убедились на примере Эмиля Абрамовича, что при анализе конкретных политических ситуаций он прекрасно владеет этнографическим материалом и аргументами. Сегодня Владислав Леонидович показал прекрасное владение материалом экономики, международных отношений, страноведения. Обращаю внимание студентов, что заниматься политическим анализом, не обладая знанием определённой конкретики — пустое дело. При отсутствии такого знания вы попадаете в значительно большую зависимость от тех, кто предлагает общие идеологические схемы. Естественно, чтобы так работать, как работают Эмиль Абрамович и Владислав Леонидович, надо просидеть не одни штаны. Готовы вы к этому или нет? Особенно те, кто всерьёз относится к своей будущей профессии? Политологическим анализом невозможно заниматься без знания конкретики — извините за банальность. Но студентам-политологам об этом не рассказывают на лекциях. Карл Поппер много писал о вреде всеохватывающих теорий. Прошу об этом помнить всегда.

Россия и Европа: парадоксы взаимного непонимания

В.Л. Иноземцев: Мы с утра немного поговорили о том, почему в российском общественном сознании так усилились антизападные настроения. Я буду исходить из того, что на это есть некоторые объективные предпосылки, субъективные и идеологические причины. Но в общем и целом, я бы сказал: взаимное непонимание между Россией и Европой растёт потому, что мы не стремимся меняться, в то время как европейцы меняются. По сути дела, мы просто не догоняем то, что происходит сегодня. Я постараюсь выдержать это выступление вокруг четырёх тем, займу примерно полчаса, затем перейдём к дискуссии.

Что больше всего меня удивляет в наших отношениях с Европой? Мы сегодня умудряемся допускать высокую степень непонимания и несогласованности с нашим главным соседом, несмотря на два очень важных обстоятельства. С одной стороны, Европа — это, безусловно, самая близкая в культурно-историческом отношении к России часть мира. Это территория, которая в значительной мере дала облик современной России и многим государствам мира — странам Северной Америки, Австралии, Новой Зеландии, Латинской Америки. По сути, сегодняшний мир по своей истории и происхождению остаётся европоцентричным. Но вместо гордости за то, что Россия издревле была частью европейской цивилизации, мы сегодня пытаемся найти максимальное количество точек различия. Хотя вся история России показывает: чем активней происходил культурный, политический и экономический обмен между Россией и Европой, тем более успешным было развитие России и тем менее проблематичным было развитие Европы. Если вспомнить периоды, к которым сегодня наши политики так часто обращаются, то это были периоды наибольшего сближения и взаимопроникновения между Россией и Европой. Екатерина II впервые присоединила Крым к России. Но она же знаменита фразой, которая мне очень нравится: «Есть европейцы французские, есть европейцы немецкие, европейцы итальянские, и есть, такие же, как они, русские европейцы». То есть, речь идёт об общей категории европейцев, среди которых есть представители разных национальностей и культур, но общее фундаментальное свойство — их принадлежность к Европе — остаётся основным. Я приверженец того же самого мнения. Я считаю, что Россия и Северная Америка — это две европейские окраины, которыми они были исторически и остаются до сих пор. Если взглянуть на процесс освоения этих окраин в XVI–XVII веках и позже, то европейцы двигаются на запад, а русские двигаются на восток. Но относительно колонизации Сибири, Северной Америки, Африки и Центральной Азии надо говорить отдельно. А пока заметим, что по своему политическому самоопределению, культурной и социальной экспансии русские были одними из самых выдающихся европейцев и действовали в значительной мере синхронно с остальными европейскими державами. ещё раз повторю: мне удивительно, что сегодня мы ищем некий особый путь вместо того, чтобы подчёркивать свою европейскость и свою культурную принадлежность к цивилизации, которую создали.

С другой стороны, есть проблема в том, что мы пытаемся ориентироваться и соперничать то с Соединёнными Штатами, то с Китаем, то с другими крупными державами, и не видим очевидного обстоятельства: экономически Россия сложилась за последние десятилетия исключительно как европейская страна. Она связана с Западом гораздо больше, чем с Востоком. В целом любое переориентирование сегодня с европейского экономического пространства на другие регионы мира является не только политически опасным, но и экономически непродуктивным. Почему же мы бежим от той территории, которая является нашей исторической родиной и нашим экономическим партнёром? Почему ищем какую-то новую идентичность и почему недовольны тем, что сегодня происходит в Европе?

Для ответа на этот вопрос я бы акцентировал внимание на нескольких моментах: во-первых, здесь существуют глубинные и достаточно объективные причины, которые обострились в первую очередь в последние годы, потому что в мире произошли экономические и политические сдвиги, в результате которых Европа стала радикально выделяться на политиче-

ской карте мира. В Европе начался интенсивный процесс интеграции. Это спровоцировало политический тренд, который российскому политическому классу неприятен, непонятен и противен. Я считаю, что это — одна из фундаментальных причин того, что Россия и её политическое руководство не может сойтись с европейцами в адекватном диалоге. Дело в том, что в течение последних 50 лет мы видим процесс образования единого европейского государства. Многие говорят о том, что речь идёт о чем-то ином, о некоей федерализации, о всё более прочном союзе. На мой взгляд, сегодня мы видим практически формирование некоей национальной формы управления, чего никогда не происходило раньше. Эти формы управления не столько создают сильную империю, сколько создают некую особую общность, которая управляется и менеджруется по другим каналам, чем то, что нам привычно. Мы не можем принять это обстоятельство. Путин может по-прежнему писать истерические письма любому из 28 руководителей стран-членов Европейского Союза по вопросам энергетики, не понимая, что сегодня ни один из них не решает эти проблемы, потому что они давно переданы в ведение Европейской Комиссии. И отказ от суверенитета, который являлся в России великим благом, сегодня может быть понят российской политической элитой, которая использует суверенитет как свой главный бизнес-актив. А то, что европейцы уходят от этого, что фактически каждый гражданин Европейского Союза может коммуницировать через голову своего собственного правительства с Европейским судом, с Европейской Комиссией, решения которых принимаются в Брюсселе и фактически напрямую воздействует на всех граждан, живущих в Европе — этот факт не учитывается. По сути, не существует реальной возможности права вето, которой мы всегда стремимся не допускать. Не существует практики выкручивания рук, — это для нас непонятно, мы не готовы коммуницировать с такого рода объединением.

В Европе политика тоже меняется, она становится менее напористой, менее агрессивной. Это у нас понимается так, что Европа стала политическим пигмеем. Что она не имеет геополитических амбиций. Я не понимаю, зачем их надо иметь. Так или иначе, все эти диссонансы вызывают проблему политического диалога. Я думаю, что европейцы стоят на этом очень прочно. Сегодня на Западе многие говорят, что Европа стала политической системой постмодерна. Об этом впервые написал Роберт Купер в начале 2000-х годов, сегодня эта концепция развивается. Я считаю, что это абсолютно правильная идея, т. е. в отличие от Китая, Соединённых Штатов, Российской Федерации, которые политически действуют в парадигме традиционного национального государства, Европа действует в совершенно новой политической парадигме и взаимодействие между соответствующими субъектами крайне затруднено. Мы сегодня этот вектор европейской политики принять не можем, но этот вектор, ещё раз хочу повторить, непреодолим, потому что в Европе существуют политические, экономические, демографические и культурные процессы, которые приведут к тому, что через несколько поколений, я думаю, через 40–50 лет Европа действительно станет единой нацией. По сути произойдёт то, что наши политики и эксперты считают практически невозможным.

С другой стороны, в рамках этой трансформации европейцы создают совершенно новое правовое поле, которое предполагает, что определённые нормы ценятся гораздо выше эффективности, и это тоже для России совсем непонятно. Дискурс, который идёт сейчас между Россией и Европой, радикально отличается от любого дискурса между Россией и Китаем, Россией и Соединёнными Штатами. Этот дискурс для нас опять-таки совершенно не понятен. Если мы посмотрим на риторику нашего правящего класса, мы увидим, что в последние годы эта риторика крутится вокруг идеи «хорошо или плохо». Это важный сдвиг, он всегда в России был очень сильным. Для нас справедливость всегда важнее права, понятия всегда были важнее норм, ценность — важнее закона и т. д.

Сегодня политическое руководство страны фактически открыто политизирует такой подход. Здесь мы опять сталкиваемся с Европой. Допустим, Америка, подобно России, действует в рамках геополитических реалий. Мы видели ответ США на события 2001 года в

Нью-Йорке в виде «Патриотического акта» и других законодательных инициатив, которые реально ограничили гражданские права, оставили страну фактически в состоянии чрезвычайного положения, подчинив её политическим целям, геополитическим целям, экономической целесообразности. Это всё заметно и в других странах, которые традиционно считаются нашими союзниками, типа Китая. В Европе сегодня отход от этого направления становится весьма радикальным. Европейцы сегодня выступают сторонниками исключительно правовых норм, такими законниками, которых мы категорически не хотим понимать.

Например, посмотрим на риторику Путина на встрече с европейскими лидерами. Это фактически разговор марсианца с жителями Венеры, поэтому люди абсолютно не понимают и не слышат друг друга. Когда европейцы говорят о законодательстве, о правах гомосексуалистов, то они говорят, что у них есть правовые нормы, которые утверждают, что нужно действовать так и так. А русские отвечают, что это плохо, нетрадиционно, непривычно, необычно, нерелигиозно и т. д. Конечно, русский подход интересен, он имеет право на существование, я с этим не спорю и не говорю, какой из подходов лучше. Но просто они не вступают в коммуникацию ни при каких обстоятельствах. То есть, когда нам говорят, что это может быть неправильно, неэтично, но есть закон, который говорит, что это нужно исполнять, мы говорим: да нет, какая разница, что он есть, нам кажется, что всё должно быть не так, а по-другому.

Идея правового государства в России до сих пор не прижилась, осталась в сфере теории. События последних лет показывают, что она не прижилась ни во внутренней политике, ни во внешней политике, с учётом захвата Крыма. Даже сама идея правового сознания не рассматривается как базовая. В Европе она рассматривается не только как базовая, но как единственная, потому что в Европейском союзе начинают объединяться государства, имеющие совершенно разные ценности. Например, в Греции православие объявлено государственной религией, в других государствах, наоборот, религиозные проявления в государстве запрещены. В ряде стран существует особая политика по отношению к мигрантам, в других странах она другая. По сути, европейские государства имеют разные культурные традиции, амбиции, подходы, исторические коды. И в этом отношении европейцы прекрасно понимают, что только чёткое следование нормам может обеспечить дальнейшую интеграцию, дальнейшее мирное процветание Европейского союза.

В России другой подход, мы объявляем себя сторонниками традиционных ценностей, но в данном случае крайне сложно понять, что понимается под традиционными ценностями, откуда идёт традиция. Если вернуться к законодательству по поводу сексуальных меньшинств, то достаточно почитать наше законодательство, закон о запрете пропаганды среди несовершеннолетних, и французский закон о легализации однополых браков, чтобы понять, насколько несопоставимы гражданские системы обществ, в которых они признаны законами. Во французском законе существует чёткое определение всех положений закона. А у нас зато есть понятие пропаганды нетрадиционной ориентации, т. е. забавна сама формулировка: «о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних». Нормальный юрист сразу бы спросил: пропаганда таких отношений в сообществе несовершеннолетних граждан должна быть запрещена, или пропаганда таких отношений между несовершеннолетними не должна вестись вне зависимости среди кого бы то ни было? Абсолютно двусмысленная формулировка принята в законе РФ — и, хотя он совершенно неприменим с точки зрения судебной практики, но, несмотря на это, является законом. Когда возникают такого рода коллизии, она происходят везде. По сути дела, мы не можем говорить с европейцами потому, что язык ценностей не разговаривает с языком норм. И это фундаментальное различие сегодня только усиливается.

Проблема соотношения силы и слабости тоже сильно подрывает возможности для интенсивной коммуникации. Здесь мы находимся рядом с американцами и китайцами, нашими потенциальными врагами и партнёрами, в этой категориальной системе международных отно-

шений. ещё в начале двухтысячных годов вышла знаменитая книга Кейгана о силе и слабости, о европейцах, которые пришли с Венеры, и американцах, которые появились с Марса. Мы эпигонски заимствуем американскую риторику. В российском понимании мировой политики право сильного является основой международных отношений. Европейцы категорически против такого подхода, они не понимают, почему должен возвращаться XIX век. В Европе сейчас переосмысливают все фундаментальные геополитические понятия — территории, богатства, успешности. Европа настолько сильна своей «мягкой силой», определёнными ценностями, определёнными подходами в мире, что она не понимает саму идею эффективности военной силы и агрессии.

Когда европейцы сталкиваются с тем, что сегодня делает РФ на Украине, они не то, что возражают (пока нет никаких санкций, не будет ответного военного удара, не будут введены войска НАТО в Донецк и т. д.). Они просто не понимают, с кем они имеют дело. Европа это проходила на примере Югославии в девяностые годы. Я не говорю, что это хорошо, это просто столкновение с инопланетянами, действия которых невозможно объяснить, невозможно понять, сложно интерпретировать, их можно только опасаться. Когда сталкиваются такие подходы, опасение становится основным элементом взаимоотношений. Не то чтобы нас не любят, ненавидят или хотят поставить на место. Всего этого нет сейчас в Европе, нас просто не понимают и опасаются. Я бы так определил основное европейское чувство в отношении России.

Во всех этих ситуациях очень сложно понять, какими будут дальнейшие отношения между Россией и Европой. Очень часто многие наши либералы говорят о том, что это всё следствие пропаганды, которую ведёт российская власть. С этим я не согласен. Конечно, элемент пропаганды очень велик, но общее настроение российского населения сводится к тому, что мы иные, мы не хотим следовать по тому пути, по которому шли европейцы. Я не убеждён, что мы должны следовать, просто речь о том, как выстраивать отношения в будущем, потому что Россия сегодня находится в состоянии, когда не может выбирать ни своего окружения, ни дальнейшего политического пути.

Фундаментальной разницей между Россией и Украиной является то, что Украине (хотя она сейчас раздираема противоречиями и находится в очень тяжёлом состоянии) будет намного легче сделать окончательный геополитический и культурный выбор. Украина всегда находилась (и это сейчас отдаётся ей тяжёлыми испытаниями) в пространстве между более сильными центрами силы: между Россией и Европой (т. е. Речью Посполитой и Германией). В этом отношении, важнейшим вопросом для Украины, вопросом исторической идентификации был вопрос «кто мы?», «с кем мы?», т. е. мы с Россией, как было после Переяславской рады, или с Речью Посполитой или Германией? С Россией и Таможенным союзом или с Евросоюзом? Это вопрос сложный, болезненный, но он имеет ответ, т. к. выбирать из двух вариантов проще, чем из неопределённого числа.

В российской ситуации всегда вопрос стоял иначе: не с кем мы, а кто с нами? Это гораздо более сложный вопрос, который не предполагает однозначного ответа. Россия всегда на протяжении многих сотен лет была доминантной державой в своём регионе. Риторика «собирания земель», которую мы сейчас наблюдаем, имеет под собой основания. На протяжении многих сотен лет Россия присоединяла территории и доминировала над своими соседями в Восточной Европе, на Кавказе, Центральной Азии, в XVIII–XIX вв. даже на Дальнем Востоке. Но сегодня ситуация изменилась очень сильно и за столь небольшое время, что сознание не поспевает за этими изменениями.

Я приведу простые цифры, которые дают представление о том, что происходит. В 1989 году крупнейшей экономикой Европы была ФРГ. Экономика ФРГ была меньше экономики СССР примерно на 40%. На Дальнем Востоке в тот момент крупнейшей экономикой был Китай и его экономика была втрое меньше экономики СССР. Такой была ситуация 25-летней давности. Сегодня мы имеем ситуацию, когда экономика Евросоюза больше экономики Рос-

сии в 8 раз, а экономика Китая приблизительно в 3,5 раза. За 25 лет исчез полюс, в центре которого была Россия. По сути, для нас сейчас стоит тот же вопрос, который стоял перед украинцами на протяжении многих сотен лет: «С кем мы?» Но мы не хотим его ставить таким образом. Мы создаём Евразийский союз, желаем восстановить постсоветское пространство в надежде на то, что эта консолидация приведёт к возрождению этого полюса.

Я экономист и могу сказать, что даже если мы сложим все постсоветские республики, то получим экономику чуть больше бразильской. И никаким конкурентом ни Китаю, ни Европе она не будет. Даже если Россия будет расти темпом 10% в год, а Европа в 1,5, то европейская экономика будет в абсолютном выражении прирастать быстрее, чем российская. Если Китай будет держать темп в 3,5% в год при наших 10, то Китай будет расти быстрее нас, и разрыв будет только увеличиваться. Таким образом, создать новый полюс экономического роста и политического притяжения в Евразии Россия не в состоянии и никогда не будет в состоянии. К сожалению или счастью, — этого я не знаю. Вопрос о взаимопонимании России и Европы в данной ситуации стоит так остро потому, что мы должны будем, если не сейчас, то через 10 или 20 лет, определяться, с кем мы будем вместе в мире, где формируются союзы, альянсы, точки экономического сотрудничества.

Ответ на этот вопрос сегодня даётся в простой системе координат: мы либо с Европой, либо с Китаем. Я не буду на эту тему философствовать, т. к. это не наша тема, но я хочу обратить ваше внимание на один интересный факт. Сегодня в российской дискуссии происходит очень много подмен понятий, двойных стандартов. Но один из самых интересных случаев такой подмены происходит в ходе дискуссии о Китае. Когда мы говорим о «повороте к Пекину», т. е. усилению экономических и политических взаимоотношений с Китаем, это происходит в российской дискуссии как «поворот на Восток». Я вам хочу сказать, что Китай — это не Восток для России. Восток для России, если брать чисто географически, это самый настоящий Запад — США и Канада. Это если просто провести линию на восток, на востоке Тихий океан, а за ним другая европейская окраина. т. е. в данной ситуации не нужно обманывать себя, это либо поворот на Юг, либо поворот на Север. Выбор между Россией как цивилизацией Севера, общеевропейской цивилизацией в широком смысле слова, т. е. вместе с Европой, США, Канадой, либо это поворот на Юг, в абсолютно чуждое нам сообщество Китая, Индии, стран Средней Азии и Ближнего Востока. Подтрунивание над Европой, которым мы сейчас заняты — это крайне опасный прецедент, который вытолкнет нас не на восток, а на юг, в абсолютно третий мир. Что было бы крайне ошибочным и крайне опасным для России и всех нас собравших здесь процессов.

Я хотел бы сказать следующее: вопрос о России и Европе очень сложный. Мы многие столетия были частью Европы. Поразительно, как волны развития России совпадают с европейскими волнами развития. Сегодня основой российского богатства является Сибирь. Но она есть продукт колонизации, произошедшей в те же годы, когда европейские страны колонизировали Северную и Латинскую Америку и фактически тем же методами — перемещением масс населения в восточном направлении, в то время, как европейцы перемещали огромные массы населения за Атлантический океан. То же самое можно сказать и в отношении наших южных владений. После того, как европейцы потеряли свои колонии в Америке, они начали экспансию в Азию и Африку. Россия в эти же годы начала экспансию на юг — Северный Кавказ и Центральную Азию. В 1885 году, когда европейские державы подписали Берлинский договор о разделе Африки, наши войска вышли на границу британских владений в Афганистане. Это фактически два этапа общеевропейской истории. Но потом началась диссинхронизация. Европейские владения в Азии и Африке освободились от владычества метрополий в 1960-е годы. Наши владения в Центральной Азии отложились в начале 1990-х. Мы сохранили нашу главную колонию в виде Сибири. В этом наш выдающийся успех, по сравнению с другими европейскими странами. В любом случае мы очень похожи исторически, культурно и экономически. Эти связи невозможно разорвать. Искать в этой ситуации искус-

ственные политические точки различий и моменты для разногласий, на мой взгляд, очень недальновидно просто по той причине, что у нас нет сегодня альтернативы. Нам нужно сотрудничество с тем регионом, с которым мы так активно пытаемся поспорить. Вот на этом я хотел бы закончить и с удовольствием поучаствовать в дискуссии.

В.П. Макаренко: Спасибо! Я хотел бы занять ваше время небольшой исторической реминисценцией к докладу Владислава Леонидовича. В одной из своих статей он высказал идею о том, что сегодня Путин, Кремль, правительство заняло позицию лишь одного из нескольких идейно-политических течений современной России. Я хотел бы проиллюстрировать то, о чём сегодня пишет и говорит Владислав Леонидович. В 1990-м году я опубликовал статью в журнале «Политика» — центральном теоретическом органе компартии Эстонии, а также одновременно в журнале «Советское государство и право». Напомню, что именно в 1989 году оформился и опубликовал свою платформу «Блок общественно-патриотических организаций России». В одном из выступлений в доме бывшего Партипроса Ростовского обкома КПСС я тогда проанализировал этот документ (это может подтвердить сидящий здесь Николай Ефимович Ерохин). А затем написал статью «Кризис власти и политическая оппозиция». В ней я показал, что в этой платформе содержится всё, о чем вчера говорил Эмиль Абрамович, а сегодня Владислав Леонидович. Мост к имперскому национализму строится давно, в том числе накануне распада СССР.

В указанной платформе использовался политический жаргон «тысячелетняя держава», «свободолюбие», «артельные начала», «всемирная отзывчивость русского народа». На мой взгляд, такая точка зрения оскорбляет достоинство других народностей и наций. В платформе ни разу не упоминались права человека, свобода и демократия как необходимые элементы политического прошлого и будущего. Защищался военно-промышленный комплекс и другие звенья государственной машины, которые до сих пор находятся в привилегированном положении по сравнению с массами людей. Под лозунгом «защиты исконно русских земель» высказывались территориальные претензии к другим нациям, а межреспубликанский хозрасчёт (такой жаргон тогда существовал в ЦК КПСС) понимался по принципу «живите как хотите». Использовались схемы политической философии Гегеля и либерального народничества для обоснования монархизма и регламентации общественной жизни. Под прикрытием равного представительства русской нации в союзных органах делался намёк на её количественное превосходство. За счёт отождествления общественной собственности с государственной обосновывалась «органичность» и естественность государственной власти во всех её проявлениях. Под флагом борьбы с бюрократией предлагалась ещё большая бюрократизация власти, поскольку призывы крепить оборону, милицию, госбезопасность, диктовать свою волю СМИ и даже создать полицию нравов (не исключено, что мы это будем видеть под прикрытием «закона о нравах») ведут к ещё большему усилению чиновно-идеологического сословия. Не делалось никаких различий между верноподданным и гражданином, т. к. патриотизм выводится из факта существования державы, а не свободной личности.

Хотел бы подчеркнуть, что аналогичные политические движения существуют также и в других постсоветских государствах. Таков исторический фон перехода президента, Кремля и правительства к жаргону одного из политических движений, существующих уже более 25 лет. Сегодня тот же жаргон воспроизводится в официальной политике России. Это ещё раз свидетельствует об эпигонстве и бездарности её политического руководства.

В.Л. Иноземцев: Спасибо за комментарий. В данном случае я согласен с вами относительно того, что это выглядит печально, и я не в восторге от такого перехода, но я не считаю, что его нужно абсолютно осуждать и категорически отвергать. Дело в том, что во многих политических системах, даже более демократических, чем сегодня в России, находящаяся у власти политическая элита отражает интересы определённого идеологического течения. Сегодня доминируют евразийство и государственничество. Я надеюсь, что большинство собравшихся здесь придерживаются демократических убеждений. Подход, который критикует

Виктор Павлович, это подход большинства, поэтому можно только сожалеть относительно того, что происходит. Но я не думаю, что в ближайшей перспективе такой подход может быть опровергнут и изменён на что-то другое в политике российского политического класса. Я боюсь, что даже смена режима и политической верхушки не изменит этот подход на либеральный. Скорее, возможно ещё большее ужесточение тех тенденций, которые мы наблюдаем и критически оцениваем.

Э.А. Паин: Можно предложение по порядку? Я думаю, если мы возьмём классический порядок — сначала вопрос, а потом комментарий, то это было бы проще, поэтому у меня есть вопрос и желание высказать комментарий

С.П. Поцелуев: Спасибо, Владислав Леонидович, за интересное выступление. Вы сказали, что руководство России не может вести диалог с европейцами. Но когда видишь, как часто госпожа Ле Пен встречается с руководством российского парламента, возникает ощущение, что диалог с Европой ведётся. Не следует ли уточнить тезис о том, что диалог есть, но ведётся он с определёнными силами, так сказать, «другой Европой»? Существует потенциал право-консервативной Европы («Национальный фронт», «Альтернатива для Германии», процессы, которые сейчас идут в Венгрии). По вашему мнению, не ставят ли эти процессы под вопрос оптимистичный прогноз, что через 30–40 лет мы будем иметь европейскую нацию?

В.Л. Иноземцев: Спасибо, хороший вопрос. Я понимаю, что вы хотите сказать: ведётся диалог между российской властью и европейскими политиками, пока ещё находящимися в меньшинстве. Да, он ведётся, в основе его опять же лежат консервативные ценности и некие декорации, которые утверждает ряд европейских правых. Что касается Марин Ле Пен и других европейских правых, я думаю, что это обманчивый и не глубокий диалог. Я не знаю лично Марин Ле Пен, но знаю Жана-Мари Ле Пен, её отца, кандидата в президенты Франции. Я делал несколько интервью с ним, неоднократно общался с ним в Париже. Я хочу сказать, что диалог между российской политической системой и людьми типа Ле Пена-старшего в принципе невозможен, потому что он может сколько угодно говорить на телевидении, что мы за нацию и т. д., но не более того. Европейские правые — крайние либералы в экономике, они отвергают идею Путина о госкорпорациях от Владивостока до Бреста. Едва диалог углубится, выяснится колоссальное количество расхождений.

Что касается перспектив Европы в связи с европейскими правыми. Да, среди европейских правых есть люди, которые поднимают ряд болезненных тем по национальному вопросу, миграции и т. д. Я не специалист по данному направлению. Сошлюсь на того же Ле Пена-старшего и могу сказать, что ни одно из его высказываний, которые он произносил при встрече со мной, не вызывало у меня отторжения, потому что главная идея его партии заключалась в том, что они выступают категорически против того, что называют «новым нахлебничеством». Это вопрос не национальный, это вопрос о социальных гарантиях людям, которые реально не участвуют в производстве общественного богатства. Заместителем Ле Пена по партии был человек тёмного цвета кожи, француз с Мартиники. В программе Ле Пена нет расистского характера, его приписывают ему оппоненты. Речь идёт скорее о том, что социальная система многих европейских стран стала ориентироваться на людей, стремящихся использовать её в собственных интересах, не вкладывающих усилий в создание национального благосостояния. Это люди — действительно классические правые с экономической точки зрения. Французы поддерживают их не только потому, что они выступают за уменьшение количества мигрантов. Они поддерживают их и потому, что они выступают против слишком раздутой системы социального обеспечения. В этом отношении перспективы у этих партий есть.

Относительно того, что они помешают созданию единой европейской нации, я не уверен в этом вот почему: когда я говорю, что Европа в течении нескольких поколений может стать единым народом, я имею в виду в первую очередь не проблему европейских мигрантов, хотя это важная проблема, которая заслуживает отдельного анализа, и здесь много предрас-

судков и в ту, и в другую сторону. Но я хочу сказать, что в 1960 году (если взять статистику по 12 странам, которые входили в ЕС в начале 1990-х годов) в рамках этих стран только 0,6% браков заключались между гражданами разных стран Европы. По итогам 2010 года количество таких браков составляло 5,6%. Это приблизительно втрое выше, чем число межнациональных браков в СССР. За 50 лет мы увидели десятикратный рост числа браков между гражданами стран-членов Евросоюза. Если это число увеличится в ближайшие 20 лет ещё втрое, до 20%, то через два поколения национальных различий не будет. И разорвать такого рода вещи не смогут ни экономические кризисы, ни политические разногласия. Не так давно во Франции и Швеции две первые леди были итальянками. Сегодня выходцы из разных стран имеют возможность устройства на госслужбу в других странах Евросоюза. Заместителем министра обороны Германии является француз, заместителем министра обороны Франции является немец. Такого никогда не было. Ещё раз хочу подчеркнуть: процесс этой интеграции в Европе на личностном уровне идёт очень быстро и интенсивно. Это можно видеть на примере изучения языков. Здесь начались такие тенденции, которые мы реально никогда внимательным способом не исследовали, даже в советские времена.

Э.А. Паин: У меня есть комментарий, но пока я задам простой вопрос, который интересует значительную часть граждан России. Объявлен поворот нефтегазовой политики в сторону Китая в связи с возможными санкциями, в связи с проблемами с Украиной. Как вы полагаете, насколько реалистична сама идея — строить новые нефтепроводы, цены?

В.Л. Иноземцев: Давайте мы это отнесём ко второй части, потому что там будет стоять первым пунктом экономическая политика. К вопросу мы вернёмся с цифрами.

Вопрос: Скажите, пожалуйста, если говорить о политическом завещании, с которым первый президент России Ельцин обратился к Путину: «Берегите Россию». На ваш взгляд, что это означало в контексте 1990-х годов, в контексте Беловежских соглашений, что оно означало в контексте нулевых годов и что оно означает в перспективе нынешнего десятилетия?

В.Л. Иноземцев: Хороший вопрос, я не думал об этом. Но если давать с ходу какие-то варианты ответов, я бы сказал так: в 1990-е годы «беречь Россию» означало сохранить её от деградации и распада; в 2000-е годы «беречь Россию» значило уберечь её как реальную социальную общность, потому что 2000-е годы стали временем, самым важным процессом которого стал огромный отток компетентного грамотного русского (в основном) населения за рубеж и замещение его миграционной волной из постсоветских республик. Я думаю, этот тренд очень опасен. Сегодня «беречь Россию» значит уберечь её от ввязывания в абсолютные авантюры, которые во внешнеполитической сфере становятся всё более опасными, уберечь её от столкновения с внешним миром, по сравнению с которым она намного слабее.

В.Ю. Попов: Владислав Леонидович, есть такое мнение, что в своё время Гитлер был изготовлен иностранными корпорациями. Оно весьма спорное, но существует. Сегодня мне тоже приходится слышать мнения, что Путин — это новый лидер Фашистского интернационала, включающего исламизацию и клерикализацию. Вы задали определённую макросоциологическую перспективу. В её рамках это реально или внутренние противоречия союзников клерикализованной России и внешние противоречия с другими странами не дадут такой интернационализации радикального консервативного проекта? Возможно ли столкновение Китая в будущем с Россией с целью нейтрализации возможных угроз западному миру? Как вы оцениваете такие перспективы? Или это всё уловки, утопические проекты и дезориентация?

В.Л. Иноземцев: Столкновение России и Китая — это большой вопрос, на который я могу предложить определённый ответ. Но вот относительно перспектив появления Гитлера и Путина — я думаю, обе фигуры появились изнутри своих обществ по вполне конкретным причинам как ответ на запрос. Ещё раз повторю — я критически отношусь к внешнеполитическому курсу Путина. Но глубоко осознаю, что это курс большинства, который можно кри-

тиковать и не соглашаться. Могу объяснить вам свои чувства после того, как я посетил митинг в декабре 2011 года на Болотной площади. Мои друзья либералы говорили, что это показатель того, что режима не будет через год. Я ответил на это Володе Рыжкову: моё ощущение, что этих людей не будет в стране через год, потому что люди, которые собрались на московские митинги, показались мне в личном общении весьма интеллигентными и абсолютно демократическими. Но их собралось всего 50 тысяч, а не миллион. Это показало им самим, в первую очередь, что в этой стране им не место. Четверо из десяти человек, с которыми я тогда познакомился, уже не в России. По официальным данным эмиграция в России в 2013 году по сравнению с 2012 выросла в 3,5 раза. Я думаю, этот процесс будет стремительно нарастать. Сегодня в Европе выдано видов на жительство для россиян почти 4 миллиона. Видов на жительство, не виз. Если учитывать, что у нас реально сегодня активной рабочей силы 60 миллионов, то это 5% активной рабочей силы, половина всего предпринимательского класса. Часть из них живут «на два дома», но немедленно снимутся отсюда если в Москве будет объявлено что-то вроде мобилизационной ситуации. Меньшинство сегодня прекрасно понимает, что оно здесь лишнее.

Почему Путин правит страной так успешно? Его великим ноу-хау являются открытые границы. Любой либерал скажет, что в условиях глобального мира этот режим когда-нибудь падёт. Я вам отвечу, что нет. Он может выжить только в условиях глобального общества. В советские времена система была закрыта. Существовало огромное количество людей самых разных подходов. Были люди, которые хотели уехать в Израиль, были люди, которые хотели молиться в храмах, но это было запрещено, мог быть человек, который хотел варить джинсы, коммерчески, но это тоже было запрещено, была девушка, которая хотела поехать в Париж и посмотреть на Мону Лизу, это тоже было запрещено. Все они по разным причинам вышли на демонстрации 1989 года и свергли режим. Сегодня страна открыта. Вы хотите уехать? — Скатертью дорога. Вы хотите продать свой бизнес и свалить? — Пожалуйста, уезжайте. Только открытость режима спасает его. Качество населения ухудшается, поддержка режима увеличивается. Если вы уехали, замечательно, придут люди из Средней Азии и заменят вас. Режим показывает, что вы ему не нужны. Класс, который может бросить вызов режиму, ему не нужен, и режим открыл дверь. Вы лучше постройте лучшую жизнь там. Продав квартиру в Москве, вы купите дом в Париже. Этот момент оттока не позволяет создать необходимую долю напряжения внутри страны. Система имеет огромный шанс на выживание, оставаясь системой большинства. Поэтому я не вижу необходимости в конспирологических объяснениях, почему Путин так успешно правит и будет успешно править.

Вопрос: Правильно было отмечено, что Россия и США развивались одновременно по сходным идеям и фактический результат похож. Что характерно сейчас для нашей власти — в политическом плане они ориентируются на США, т. е. хотят быть как американцы. Ключевое отличие состоит в отношении к экономике и предпринимательскому классу. У нас государственники, американские республиканцы — это тоже «товарищи». С другой стороны, в Европе сейчас происходят два процесса: государства и национальные различия стали слабее. Это происходит при отсутствии борьбы между государствами и внутренних силовых столкновений. Но отсутствие внутренней борьбы проходит под сенью американских дружеских штыков, которые составляют 90% вооружённых сил НАТО, доля Европы здесь незначительна. Вам не кажется, что если произойдут некоторые события и Европа будет вынуждена отдельно от США включиться в какое-либо силовое противостояние, эти интеграционные тенденции замедлятся?

В.Л. Иноземцев: Что касается Европы, я согласен с тем, что Европа находится в политической орбите США, это очевидный факт. Что касается штыков Америки, — это вопрос спорный, потому что американские войска из Европы фактически вывели. Не нужно путать ситуацию 1986 года и 2014. Что касается европейских вооружённых сил — если посчитать огневую мощь и количество кораблей, то ВМФ Польши сильнее Балтийского флота РФ. Тот

факт, что европейцы не воюют, верен. Другое дело, что суммарные военные расходы Европы чуть меньше американских, но идут в основном на поддержание армий, европейская армия в 2,5 раза больше американской. Насколько они реально боеспособны, — мне сложно сказать, я не военный аналитик, но в любом случае, если против стран Европы будет совершена агрессия, ответы на это будут найдены. Откуда она может прийти? — я пока не очень вижу. Если сравнить реакцию США на теракты 11 сентября и реакцию Испании и Англии на теракты в метро, то во втором случае реакции просто не было. Никто не собирался идти в пустыни Ирака и Афганистана воевать с исламистами. И не пойдут. Поэтому я думаю, что вопрос о военной мощи Европы интересен.

Н.Е. Ерохин: Сейчас мы напоминаем первых христиан и умного проповедника. Вчера было блестящее выступление Эмиля Абрамовича, а третьего дня я слушал вас по «Эхо Москвы», вас слушали несколько миллионов человек, но ведь вам не дали там ни одной мысли до конца довести...

В.Л. Иноземцев: Почему? Это был хороший эфир, все были довольно толерантны.

Н.Е. Ерохин: Сейчас, например, всё понятно, всё до конца...

В.Л. Иноземцев: Просто разный жанр. Эфир на «Эхе» мне очень понравился.

Н.Е. Ерохин: Виктор Павлович, они его задавили.

В.П. Макаренко: Да никто никого не задавил.

Э.А. Паин: Мы с ним тоже выступали на «Эхе», у каждого было мало времени.

В.Л. Иноземцев: Дело не во времени. Я послушаю ещё раз эфир, но мне казалось, что я сказал всё, что хотел.

Э.А. Паин: Вообще я хотел молчать в тряпочку, ведь вчера весь день выступал, но поскольку доклад был скорее культурно-политическим, чем экономическим, то я решил высказаться. Вначале о том, с чем я абсолютно согласен. России не нужно уходить от своей европейской природы, хотя бы потому, что мы все с детства европейцы. Наше видение истории начинается в Древней Греции и Древнем Риме. Эта европоцентричная история нас с детских лет держит европейцами. Мы понятия не имеем, что в это время происходило в Китае, Индии и т. д. И это навсегда. Я абсолютно согласен с тем, что главное столкновение — это глубокое ценностное различие между изменившейся Европой и изменившейся Россией. Проблема не в том, что есть неизменная Россия и меняющаяся Европа, есть проблема между двумя трендами изменений. Европа изменяется в сторону модернизации, увеличения рационально-легальных форм существования, в сторону смягчения проблем с осознаниями себя отдельными нациями. А в России обратный тренд.

Но я не согласен с тремя вещами. Первое: что Европа в обозримой перспективе приблизится к формированию единой европейской нации. Напротив, я уверен, что сегодня увеличиваются тенденции осознания ошибочности слишком поспешного движения к европеизации и увеличения осознания существенной роли национального сообщества. Доказательства по принципу количества межэтнических браков мало меня убеждает, потому что если посмотреть на количество межэтнических браков в СССР накануне распада, то увидите, что оно было в несколько раз больше, чем сегодня. Казалось бы, была одна страна, были возможности. Брак — это вещь такая, которую не выбирают, был бы ресурс. И это никак не влияет на национальную идентичность. Проблема не в том, что страна не смогла подписать единую конституцию. И не подпишут. И не только потому, что существует проблема мигрантов, но и в виду глубоких существенных социально-экономических и культурных различий между этими странами. И Жан-Мари Ле Пен прав в главном своём смысле: немцы и французы не хотят затрачивать значительную часть своего бюджета на welfare для венгров, румын, цыган. Проблема мигрантов и проблема социально-экономических различий — это общая проблема.

Второе: по поводу России. Я не согласен с тем, что Путин сегодня представляет большинство. В своё время латиноамериканские диктаторы представляли большинство. Потом они исчезали. Дело в том, что большинство, особенно российское, потрясюще манипу-

лируемо. Догражданский тип сообществ крайне конформен и легко манипулируем. В этом смысле большинство всегда поддерживает лидера. Те самые люди, которые поддерживали партию «Выбор России», они поддерживают свой косяк. Это партия власти вне значения его идеологического содержания. Значительная часть людей конформны и поддерживают власть. Если эта власть умеет апеллировать и доходить до стереотипов, до зоологии, она непобедима. С точки зрения популистской политики это апеллирование к стереотипам, низменным чувствам, к тому, что от него ждут. Мочить в сортире? — Да, хорошо. Чем вы ниже опуститесь вглубь, тем большую популярность среди масс вы сможете получить. Но это не навсегда и не бесконечно. Конечно, фактор открытых границ спасает режим, но не спас Януковича, а там уровень открытости ещё выше. Количество украинцев, которые работают за границей, несоизмеримо больше, чем уезжающих россиян. Все 147 миллионов никогда не уедут. Более того, самый развитый класс предпринимателей не уедет потому, что с 2–3 миллионами в России можно делать бизнес, а в Европе и Америке эту сумму можно пропить в кабаке. Это не деньги, чтобы завести дело и быть конкурентным. Поэтому значительная часть людей понимает, что бизнес она может сделать только в России. Так или иначе, этот слой и идеологически ориентированные патриоты, которые называют себя «антиимперскими националистами», — это слой, который никуда не будет уезжать по многим причинам и будет оказывать давление на ситуацию.

Теперь обобщённое представление об Украине. Единой Украины нет, это сейчас очевидно. Немалая часть Украины — та же Россия по своим нынешним ментальным особенностям, причём самая периферийная её сторона. Процесс распада СССР не закончился, он каким-то образом тогда проявился, а мог проявиться иначе. Их западный вектор будет зависеть от того, насколько будет для них превалировать значение территориальной целостности. Если будет, то они будут вынуждены ориентироваться на слабейшее звено. Масштаб их модернизации будет зависеть от их части.

Вот и всё, что я хотел сказать. Подчёркиваю, я возражаю по поводу слишком оптимистических взглядов на единую Европу как нацию и по поводу массовости того, что народ России хочет того, что в ней происходит. Народ хочет в значительной мере того, чего хотят от него его властители. Я сторонник конструктивистского подхода к обществу и думаю, что конструктивные возможности выше, чем примордиально заложенные особенности.

В.Л. Иноземцев: Большое спасибо. Я с огромным интересом принимаю замечания по поводу Европы. Эмиль Абрамович — общепризнанный специалист по этим вещам, и я вполне допускаю, что могу быть излишне оптимистичен, поэтому мы увидим только через некоторое время, что произойдёт, но я предполагаю возможность и того, и другого варианта. Что же касается вопроса о конструктивизме популярности Путина, здесь я всё-таки не совсем согласен. Я согласен со всем, что вы сказали по поводу Украины, что это разделённая нация, я здесь полностью на вашей стороне. Проблема популярности Путина не сводится к манипуляции сознанием. Да, на Украине режим Януковича был сметён народным недовольством, в том числе, и по причине его коррумпированности, которая там не выше, чем в России. Но ни Украина, ни многие другие страны не были имперскими нациями с большой имперской традицией. Путин сейчас не занимается тем, что мочит кого-то в сортире. Он не рассказывает, что у него 10% темп экономического роста. Он перешёл на совершенно другую систему аргументации. Он апеллирует к имперскому сознанию, к исторической особости, он улавливает то, что действительно отличает Россию от некоторых её соседей. И я думаю, что эта идеологическая опора для него гораздо более сильная, чем экономические успехи, благосостояние или какие-то прочие моменты. Поэтому я считаю, что запас прочности у режима гораздо больше. Я был бы рад ошибиться, но мне кажется, что здесь пойман резонанс между глубинным общественным сознанием и тем, что проповедует политическая элита.

Н.Н. Евченко: Большое спасибо, что приехали к нам. В вашей позавчерашней статье в газете «РБК daily» вы указали, что наши экономические отношения с Европой проблемны,

это был первый тезис вашей статьи. Европа — наш основной внешнеторговый партнёр, половина нашего торгового оборота и 75% энергоносителей туда идут. И большинство наших предпринимателей всё-таки в Европу едут. Происходит своеобразный бартер: мы оттуда уходим с нашими экономическими отношениями, туда уходит наш предпринимательский талант. Какова цена для нашей экономической системы этого бартера, особенно, в связи с той концепцией, которую озвучил советник президента Глазьев: мы принимаем доктрину «опоры на собственные силы», т. е. возможен ли в открытом мире переход к рассмотрению этой доктрины?

В.Л. Иноземцев: Мы снова идём к вопросу по поводу Китая и Европы. Цена нашей переориентации очень большая. Я бы сказал, что туда уходят не столько предприниматели, сколько люди, которые выходят из бизнеса и стараются найти себе какой-то запасной аэродром. Мы можем отдельно поговорить насчёт стратегии по Украине. Значительная доля оттока капитала, интеллектуальных кадров и молодёжи идут в Европу. Это большая цена. Что касается того, можно ли повернуться к другим регионам, мы обсудим позже. Мне кажется, что цена этого поворота будет ещё больше. Цена закрытости по Глазьеву будет просто катастрофической. Исполнить можно всё, если поставить задачу закрыть границы, выйти из долларовых активов, вложить их материальные активы, это не так сложно на самом деле. Наши резервы не такие большие, как кажутся, порядка 450 миллиардов долларов. Попытавшись с ними что-то сделать, мы ничего не дестабилизируем, если сегодня России продаст все свои долларовые активы за один день, это приблизительно будет в лучшем случае 4–5% ежедневного глобального валютного оборота. Поэтому мы не уничтожим курс доллара, не обанкротим Америку, это всё смешно. В данном случае это технически возможно, — закрыться реально, но это приведёт к сильному падению уровня жизни и поломает планы миллионов, а это уже будет радикальный вызов режиму. Я думаю, что такой выбор близок к самоубийству власти, на который она вряд ли может пойти, если переоценит свои силы. Такое решение — конец для режима. В любом случае, это практически невозможно по последствиям. Технически можно к этому идти, но последствия будут настолько разрушительными, что никто из власти их не переживёт.

В. Козер: В процессе обмена учителями средних школ я был дважды в Соединённых Штатах и Великобритании в группах учителей от 10 до 25 человек. И я заметил, во-первых, взгляд «они — не мы». Приходим мы на занятия и обычно слышим реплики: это же примитивно. У нас на этом уровне мы больше изучаем по базовым дисциплинам, по математике, естественным наукам и так далее. Этот момент я видел многократно, не один раз, а это тенденция. Вторая тенденция, на которую я обратил внимание — это отсутствие какой-либо благодарности. Потому что все эти обмены финансируются исключительно той стороной, включая передвижение по России и проведение семинаров в России. Какие-то благодарности формально были, но в неформальном кругу, в общении, это не звучало ни разу. Такое ощущение, что они оторвали эти деньги от бюджета и потратили на российских учителей. Это момент, который добавляет наше непонимание. Причём, речь идёт о людях с высшим образованием. Людях контактных, потому что они обучают детей, притом обучают много. Второй момент, на который я обратил внимание: если наши наиболее продвинутые учителя, например, английского языка, что-то показывают, то есть элемент — «ну мы им показали». Или такие разговоры: они, допустим, посещали военную базу, — «ну да, мы видели, но наши мальчишки покажут, если надо». Вот это общая тенденция, которая вписывается в то понимание, о котором вы сказали. Это позиция большинства, и на этом власть существует. Я вчера задал вопрос Эмилю Абрамовичу: какой след оставит нынешняя идеология, если прекратится её поддержка со стороны власти? Эмиль Абрамович дал оптимистичный ответ: у нас уже много раз менялось, и через несколько лет всё в массовом сознании может поменяться. Поэтому я для себя делаю вывод, что, с одной стороны, эта тенденция сильна, с другой стороны, в 2007–2012-х годах изменился только руководитель, и то его учитель стоял за спиной и сразу поме-

нялось отношение. Общая тенденция такова: с начала 2000-х у нас сокращается количество обменов. Не на уровне научной элиты, а на более низком уровне. У нас постепенно сокращаются на уровне Ростова семинары, где участвуют британцы или американцы. То есть, это практически невозможно сделать. У нас проводилось с середины 1990-х годов по 2005 в месяц несколько таких форумов, встреч и семинаров, где они участвовали. Сейчас вообще этого нет. У нас совершенная пустыня в этом плане. Но Медведев сделал несколько шагов назад. И опять контакты вроде бы несколько интенсифицировались. И вроде бы сейчас тенденция, которая была в 1990-х годах, возобладала. И она усиливает ксенофобию и подобные отношения. Я думаю, как бы ни сменился первый руководитель, это будет человек из его окружения. Я уверен, что это будет опять позиция, условно, медведевская. И опять будут открыты эти каналы общения. Опять будет больше программ. Вопрос только для меня, на который Эмиль Абрамович дал чёткий ответ: какой след это оставит. Потому что время идёт, люди растут. Насколько это повлияет именно в плане усиления личности, ксенофобии?

В.П. Макаренко: Опять срочно нужен Сорос.

В.Л. Иноземцев: Сложный вопрос. Я думаю, причина не только в нашей забитости. Но большое количество финансирования, которое шло на обменные программы, было рассчитано на Россию как на страну развивающуюся. Когда мы по экономическим показателям подтянулись, многие программы Запада были закрыты. Потому что помощь странам, которые достигли какого-то уровня развития, существенно урезается. Что касается того, какое значение пропаганда будет иметь на будущее, — я считаю, что она будет иметь серьёзное значение. Я исхожу из того, что если бы это было рассчитано только на молодёжь, то была бы одна ситуация. Самым главным впечатлением от Красноярского экономического форума, который состоялся в феврале этого года, стал ужин закрытия, который давал в узком кругу председатель Законодательного Собрания Красноярского края. На него пригласили основных докладчиков, в большинстве своем московских и новосибирских интеллектуалов, человек 25. Это было за сутки до того, как Путин попросил Совет Федерации использовать войска на Украине, то есть, за границей России. Я могу сказать, что после третьей рюмки водки вполне умудрённый человек из Высшей школы экономики, либерального ВУЗа, поднимал бокал за то, чтобы наши танки дошли до Киева. Это был не молодой человек, а человек, который все 90-е годы отстаивал либеральные ценности. Это очень странный сигнал. Мне кажется, что нынешняя пропаганда падает на вполне готовую почву.

Голос: Человек, о котором вы говорите, из недавнего прошлого. Это вопрос не столько глубинных имперских тенденций, сколько недавнего прошлого.

В.Л. Иноземцев: Здесь мы видим двойную интерференцию волны. В новой пропаганде и в воспоминании старого.

В.Ю. Попов: С моей точки зрения, существует две причины, по которым этот режим, который вы охарактеризовали как путинский, долго не простоит. Хочу напомнить, что Вернер Зомбарт написал небольшую книжку «Торгаши и герои» во время Первой мировой войны. И там он осуществляет нападки на Британию за «дух торгашества», который противоречит «немецким ценностям и духовности». Это очень похоже на современную ситуацию. Зомбарт приводит слова Герберта Спенсера, который отвечал на похожие нападки чуть раньше и говорил: «Извините, но мы, британцы, построили вам водопровод в Берлине, мы сделали электрификацию Берлина. Где бы были ваши духовные философы, — при лучине писали бы там свои духовные произведения?». Германия тоже ставила себе такую цель в середине XIX века — опора на собственные силы, экономическая автаркия. В каком-то смысле она достигла товарной независимости через 50 лет или чуть больше. Именно это предопределило, что немцы согласились на большую войну. Если бы товарная зависимость от Британии продолжала существовать, возможно, такой войны бы не случилось. А сейчас такая товарная зависимость России вряд ли возможна, даже если мы будем покупать технологии на Западе. Воплощение их в жизнь в России требует некоего уровня на местах. Достичь современной

технологизации России будет невозможно, а люди, которые хотят сравнивать Россию с Западом, всё равно будут оставаться и их количество будет увеличиваться, при наличии как раз открытости страны, поскольку не все, уезжая на Запад, желают там остаться. Многие хотят вернуться и попробовать построить здесь похожее. В этом смысле напряжение никуда уходить не будет.

Второй момент: большевики тоже запретили конкуренцию в экономической сфере. Тем самым они естественные потребности в конкуренции и предпринимательстве переместили в конкуренцию за власть. Сталин в борьбе с этой конкуренцией вынужден был развязывать террор, чтобы сохранить свою власть. В 1980-е годы советская партийная номенклатура поняла, что очередного Андропова они могут не пережить. Вспомним, что при Андропове возникли дела Медунова, Рашидова, Соколова. Посадили Чурбанова, мужа Брежневой, на Щелокова возбудили дело. Советская номенклатура ясно понимала, что возврат к сталинским временам для них будет плачевен. Возможно, сегодняшняя номенклатура этого не осознает, потому что существует в рамках неких мифов, более поздних, о советском периоде. Но едва российская правящая группа пойдёт на оформление и одностороннюю идеологизацию, поскольку этот режим существует устойчиво, пока он манипулирует различными интересами, а если он оформится как некий идеологический режим, то сразу он привлечёт на себя поток, шквал критики, в том числе изнутри. Тогда идеологическая и управленческая бюрократия начнёт борьбу за то, кто из них лучше понимает политику вождя, политику партии и лучше понимает идеологию, для того, чтобы конкурировать внутри этого аппарата. Это ещё одна проблема для данного режима. Я думаю, этот режим в любом случае не продержится дольше Путина. Как только Путин исчезнет, — это показала вся история Византийской Империи: если появлялся император, который сильно закручивал гайки и завязывал всё на себя, после его смерти происходил обвал и череда гражданских противостояний. То же самое грозит России. И какой она выйдет из этих противостояний — большой вопрос.

В.Л. Иноземцев: Я дам комментарий. По поводу последнего я не согласен. По сути дела, у путинского режима есть шансы на очень долгое существование. Было успешное президентство Медведева и уход Путина в тень. Если режим может менять первое лицо, оставаясь тем самым фундаментальным режимом, это залог успеха. Китайская система меняет собственного руководителя, оставаясь китайской системой. Мексиканская система имела одну партию, правящую 70 лет, тоже оставаясь таким же самым режимом. Либерально-демократическая партия в Японии тоже правила 50 лет, создавая свою политическую систему. Это показатель устойчивости режима: если режим не зависит от личности, то он устойчив. То, что Путин вернулся, показало, что система не может без него выживать, поэтому с этим тезисом я абсолютно согласен. Но Путин молод...

В.Ю. Попов: Это замещающая гормональная терапия

В.Л. Иноземцев: Второй момент — по поводу Германии. Дело в том, что чисто технологически мы живём в мире, совершенно отличающемся от мира XX века. Допустим, в середине XX века в крупной, мощной стране не могли не производить автомобилей. Если у вас не было этой промышленности, вы отставали в своем развитии сразу и на порядок. Сегодня в России не производят ни одного мобильного телефона, имея мобильной связи больше, чем любая другая страна в Европе. И никто не ощущает, что мы здесь полные пигмеи. Вьетнам производит мобильные телефоны, а мы нет. И это не мешает нам относиться к своему собственному существованию так, как мы относимся. Мне кажется, технологическая конкуренция внутри индустриального строя связана была с тем, что вы можете заимствовать технологию, наладить её и быстро догнать. Та же Германия догнала Англию очень быстро потому, что она заимствовала технологии, быстро нарастила новые и пошла вперёд. Она была первой экономикой Европы перед Первой мировой войной. Сегодня вы можете легко использовать технологические нововведения, но вряд ли сможете встроиться в эту цепь. Обгон почти нерален. Поэтому конкуренция XX века и нынешняя конкуренция абсолютно различны. И все

параллели, которые существовали 100 лет назад, сегодня просто неприменимы. Они могут очень красиво казаться похожими, но на деле под ними лежат такие процессы, которые не позволяют провести аналогию.

Э.А. Паин: В принципе я согласен с Вадимом, что у данного режима будут большие проблемы со сменой первого лица, но по другим причинам. Я согласен с Вами, что сейчас эта товарная ситуация не работает, но у нас принято шутить про «путинский паханат». Мне это дело представляется более похожим на принципат Октавиана в Риме. Чем похоже: реальная структура власти является скорее имитацией политической системы и реальная политическая жизнь происходит абсолютно не так, как она демонстрируется в обществе. Это один момент. Второй момент — показательная демонстрация скромности. Все эти уходы в тень, все изображения и рассказы про демократию, про то, что «не я принимаю решения, это решение коллективное», — это все было характерно для Октавиана Августа. Также сохраняются у нас элементы ядерной или атомарной структуры общества, как и в римском обществе. Когда положение человека зачастую определялось не принадлежностью его к какому-то классу общества, а его близостью к конкретному человеку. Бывший раб или нынешний раб императора мог стать фактически богатейшим человеком в Риме почти моментально, что у нас наблюдается повсеместно. В этой системе самая большая проблема — выбор преемника. Потому что система держится на личных отношениях, чуть ли не формата агент-вербовщик. Как эта структура перейдёт в следующее поколение, я не знаю. Потому что выбор преемника в Риме был огромной проблемой. Сейчас выбрать человека, который сможет контролировать конфликты разных кланов, это такая...

В.Л. Иноземцев: Но она продержалась. С конфликтами, но там решается действительно проблема неугодных кланов. Поэтому я думаю, что здесь не с меньшей жестокостью она будет решена. Аналогия с принципатом красивая, но в данном случае она не играет на то, что эта империя быстро рухнет. Конечно, имитация есть. Но не факт, что она не способна на самовоспроизводство. Это самый большой и интересный вопрос на ближайшие годы.

В.В. Вольчик: Я хотел бы толкнуть наш разговор в экономическую плоскость. Дело в том, что антилиберальная риторика экономистов выражается в такой экономической политике, которая носит характер антипредпринимательской. Предпринимательский климат становится всё хуже. Предприниматели это подтверждают. Но, как говорил Хайек, очень большую роль тут играют интеллектуалы. Как ни странно, это интеллектуалы, которые должны представлять либерализм, — мейнстримовская Высшая школа экономики. Мне кажется, они играют отрицательную роль. Дело в том, что мейнстримовский вариант экономической науки находится под знамёнами либерализма, но в наших условиях либеральные экономисты проводят нелиберальную экономическую политику. Где взять интеллектуалов, которые играли бы за предпринимателей и за либеральные ценности, которые позволяют развивать истинный либерализм, ради улучшения предпринимательского климата?

В.Л. Иноземцев: Это хороший вопрос. Я не знаю, что ответить. Я бы сказал так: по большому счёту, в стране, которая находится в таком мире, в котором находится Россия, вопрос о предпринимательской свободе не есть вопрос интеллектуалов. Это вопрос о самообразовании элит. Если элита вменяема, то без всяких интеллектуалов она должна понимать, что это источник победы. Но элита у нас сегодня возникла совсем иначе. И какие бы интеллектуалы здесь ни были, как бы они ни рассказывали о предпринимательстве, пока деньги появляются ниоткуда, оно бессмысленно, его развитие контрпродуктивно. Почему в России так много взяток? Как экономист могу вам ответить, что это происходит в значительной мере потому, что политика давания и получения взяток более эффективна и рациональна, чем политика противопоставления режиму. Сейчас гораздо проще дать взятку за перепланировку квартиры, получение лицензии и прочее, чем идти каким-то легалистским путём. По сути дела, взятка инкорпорирована в систему экономической эффективности. Если что-то изменится фундаментально в экономике, возможно, появится запрос. Для эффективной экономи-

ческой политики не нужны интеллектуалы. Нужны люди, которые способны понимать очевидные задачи оптимизации. Что нужно понимать в экономике? То, что вы снижаете там или здесь, и получаете повышение объёма. Путин в свое время сделал так, когда он снизил налог на доходы физических лиц и получил огромный прирост от объёма этого налога. Когда он это сделал, он был мыслящим абсолютно рационально и экономически человеком. Сейчас он перестал им быть, потому что за последние годы цены на нефть выросли в пять раз. Соответственно, налоговая система стала гораздо более эффективной. Проблема снялась. Это не вопрос интеллектуальной революции, а практической реакции.

Вопрос: Что должно измениться в экономике, чтобы появились другие стимулы?

В.Л. Иноземцев: Нужно просто подвести под такие санкции, чтобы был внутренний продукт и спрос. Либо должны упасть цены, либо должен упасть спрос. Но реально должно быть уменьшение рентных доходов. Чтобы начать на это реагировать. Какое-то время они могут игнорировать эту ситуацию, а за счёт затягивания поясов в связи с тем, что «весь мир на нас ополчился», либо по причине того, что государственные доходы настолько неэффективны, что их можно порезать и так, что этого никто не заметит, кроме нескольких олигархов. Я думаю, даже при сокращении расходов, то есть сокращении поступлений, у режима есть некоторый срок. Минимум 3 года. А может, и больше. Для того, чтобы даже при цене в 50 долларов, которая, как говорят все сейчас, катастрофичная, довольно успешно выживать. Но далее уже, конечно, потребуются перемены.

В.П. Макаренко: Мы монополизировали право на вопросы. Студенты прижухли и молчат. Ребята и девочки, задавайте вопросы.

Голос: Студенты должны слушать.

В.Ю. Попов: Они должны учиться задавать вопросы.

С. Гарибян: У меня не вопрос, а реплика. Вы сравнивали процессы колонизации европейцев и Российской империи. Они шли параллельно. Я бы хотел рассмотреть этот процесс на примере Грузии. Российский выбор Грузии был обусловлен тем, что через Российскую империю Грузия коммуницировала с Европой. Для Грузии Россия являлась европейской страной, находящейся между Востоком и Западом. А сейчас происходит наоборот. Россия является некой евразийской державой и антизападной, антиевропейской силой. Естественно, Россия может использовать этот ресурс, но не использует. К сожалению, в Грузии открывается такая организация, как «Грузия. Евразийский выбор».

В.Л. Иноземцев: Я говорил, что колонизация в России была похожа на европейскую именно в восточной части, которая шла от Урала до Аляски. Когда Россия пошла на юг, потом в Среднюю Азию, там тоже можно говорить о параллели с британским владычеством в Индии. Эти цивилизации были довольно древние. Но Грузия и Армения представляли собой две страны, заведомо наиболее древние по истории и европейские по своей христианской природе. Раньше Россия выступала для них Европой — защитницей от Азии, Турции и государств Востока. Но сейчас уже не нужно посредничество России в том, чтобы Грузию и Армению ввести в Европу. Насколько я помню, помимо Грузии, даже в Армении в декабре были серьёзные недовольства в связи с тем, что они не подписали Соглашение об ассоциации с ЕС, потому что масштаб армянской диаспоры и масштаб их связей с Соединёнными Штатами настолько велик, что Россия здесь не посредник по объёму отношений. Я понимаю, насколько сложно будет вести дальше прозападную игру с учётом того, что у России очень мощные силы в регионе, но здесь только можно пожелать кавказским народам успеха в походе на Запад. История же Грузии в постсоветский период — одна из самых драматичных. Можно ещё много комментировать, но в любом случае Россия здесь Грузии не поможет.